

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ТРИСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОМ
ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, во вторник,
26 августа 1986 года, в 10 час. 00 мин.

Президент: г-н Дж. Алан Бисли (Канада)

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Объявляю 381-е пленарное заседание Конференции по разоружению открытым.

В соответствии со своей программой работы Конференция продолжает сегодня рассмотрение докладов специальных вспомогательных органов, а также ежегодного доклада Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Однако в соответствии с правилом 30 правил процедуры любое государство — член Конференции может затронуть любой вопрос, относящийся к ее работе.

Как уже было объявлено ранее, сегодня я намерен вынести на рассмотрение Конференции документ CD/721, который содержит доклад о ходе работы двадцать второй сессии Специальной группы научных экспертов по рассмотрению международных совместных мер по обнаружению и идентификации сейсмических явлений. Как вы, наверное, помните, на предыдущих заседаниях я отметил, что в первом предложении пункта 12, а также в пунктах 14 и 15 этого документа содержится ряд рекомендаций. После того, как список ораторов будет исчерпан, я предложу Конференции принять эти рекомендации Специальной группы.

Я хотел бы также напомнить, что сегодня сразу после этого пленарного заседания Конференция проведет неофициальное заседание, с тем чтобы продолжить рассмотрение проекта ежегодного доклада Генеральной Ассамблеи. Первоначально мы планировали обсудить сегодня пункт 2 повестки дня, однако мы не смогли выдержать согласованное расписание, и поэтому сегодня мы должны рассмотреть сначала пункты существа, относящиеся к пунктам 3 и 6 нашей повестки дня. Я надеюсь, что мы наверстаем упущенное и сможем рассмотреть оба эти пункта, а затем перейти к пункту 2 повестки дня. Я должен сообщить вам, что в противном случае я не вижу, каким иным образом мы сможем завершить сессию в оставшее время.

В списке выступающих сегодня значатся представители Чехословакии, Союза Советских Социалистических Республик, Японии, Алжира, Польши, Китая, Австралии, Франции и Канады. Предоставляю слово представителю Чехословакии послу Вейводе.

Г-н ВЕЙВОДА (Чехословакия) (перевод с английского): Г-н Президент, я рад видеть на посту Президента Конференции в заключительном месяце ее сессии Вас, представителя Канады, обладающего соответствующим опытом и профессиональным мастерством. Работая под Вашим компетентным руководством, мы, несомненно, сможем дать надлежащую оценку работе Конференции по разоружению за последний год и завершить подготовку нашего доклада Генеральной Ассамблеи. Я также выражаю благодарность Вашему предшественнику послу Бирмы У Тин Туну за эффективную работу на посту Президента в июле.

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

Мы с удовлетворением отмечаем, что переговоры о запрещении и ликвидации химического оружия вступили в интенсивную фазу. Специальный комитет и его три рабочие группы вели очень активную работу в ходе этой сессии, а некоторые важные вопросы запрещения химического оружия были также затронуты на двусторонних американо-советских консультациях. Таким образом, вполне естественно, что появляется определенная доля оптимизма. Наша делегация также выражает удовлетворение по поводу того, что сегодня мы, по-видимому, более близки к достижению запрещения химического оружия, чем это было год или два назад. Мы считаем, что позитивное воздействие на продолжающийся процесс переговоров оказали новые советские предложения. Гибкий подход, вновь продемонстрированный Советским Союзом, выступившим 22 апреля с соответствующими предложениями, является единственным подходом, который в конечном счете может привести к успеху. Поскольку мы стремимся завершить разработку конвенции, то хотелось бы, чтобы все делегации проявили гибкий подход.

Однако, к сожалению, в области химического оружия происходят не только позитивные сдвиги. В то время как Конференция делает все возможное для его запрещения, блок НАТО занимается поисками логического обоснования производства бинарного оружия и его возможного размещения в Европе. Мы выражаем сожаление по поводу решения, принятого 22 мая в Брюсселе, и не понимаем, как оно согласуется с широко провозглашенной готовностью добиться запрещения химического оружия. Такая непоследовательность заставляет нас задуматься над тем, что неладно в настоящее время с процессом, целью которого является химическое разоружение, если он, несмотря на то, что находится на относительно продвинутом этапе, еще не устранил стремления к дальнейшему наращиванию химических вооружений. Является ли такая непоследовательность просто результатом подхода отдельных специалистов в области военного планирования или же свидетельствует о проведении более широкой, общей политической линии?

Мы не можем дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Однако некоторые выводы напрашиваются сами собой, если посмотреть в ретроспективе на разработку химического оружия и задуматься над закономерностями, присущими гонке химических вооружений. Приблизительно за полстолетия было разработано несколько поколений химического оружия, и в основном неизменно повышалась их токсичность. В результате этого, по своей токсичности и размерам зоны заражения, современные боевые химические вещества превосходят вещества, применявшиеся в ходе первой мировой войны, на несколько порядков. Простое сопоставление смертоносного воздействия различных боевых химических веществ весьма наглядно свидетельствует об изменении такого рода. Если говорить о фосгене, применявшемся в 1915 году, то его условно летальная токсическая доза при ингаляции составляла 3 200 мг.мин./м³ воздуха, а для иприта (1917 год) она составляла всего лишь половину этого количества. Для зарина, появившегося в 1939 году, пороговая токсическая доза была намного меньше и составила 100 мг/м³ воздуха, для нервно-паралитического отравляющего вещества "VX" (1960/1) эта доза составляла уже 38 мг/м³ воздуха и для отравляющего вещества, названного ЕА 5774 (1979 год) - всего лишь 10 мг/м³ воздуха. Таким образом, современные боевые химические вещества в значительной степени "качественно" отличаются от прежних. Еще одним подтверждением этому служит тот простой факт, что летальная доза иприта составляет около 200 капель этого

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

отравляющего вещества кожно-нарывного действия, относящегося к одному из основных видов боевых отравляющих веществ, в то время как аналогичный эффект достигается при помощи всего лишь одной капли соединения "VX".

Однако, к сожалению, даже такая высокая токсичность не является пределом. Токсичные соединения, которые Соединенные Штаты планируют использовать в военных целях и которые в настоящее время пока находятся в стадии разработки, согласно оценке, приводят к летальному исходу даже при концентрации 0,1-0,001 мг/м³ воздуха. Можно с уверенностью сказать, что такие "перспективы" представляют своего рода соблазн для специалистов в области военного планирования и являются одной из основных причин, по которой они не хотят отказываться от гонки химических вооружений в попытке добиться военного превосходства.

В условиях всестороннего совершенствования вооружений и военной техники повышается также скорость, точность и проникающая способность средств доставки химического оружия. На сегодняшний день имеется целый ряд таких средств: от уже устаревших химических мин и ручных гранат, используемых в бою, до более сложных артиллерийских снарядов и снарядов для многоствольных реактивных минометов, авиационных бомб и контейнеров, химических боеголовок для ракет наземного базирования малой и средней дальности. И вновь на горизонте появляется новое поколение средств доставки. Например, получены сведения о том, что в настоящее время разрабатываются и уже испытаны специальные системы доставки органофосфорных соединений при помощи крылатых ракет. Они позволят наносить внезапные удары по точечным целям, расположенным в глубоком тылу противника, с применением высокотоксичных и быстродействующих боевых химических веществ.

Эти и другие возможные в будущем открытия в области средств доставки химического оружия могли бы привести к появлению опасных планов применения боевых химических веществ в более широких масштабах против гражданского населения. Очевидно то, что даже и без такой "особой проблемы" гражданское население чрезвычайно дорого заплатит в случае конфликта с применением химического оружия. По оценкам, соотношение между убитыми солдатами и гражданскими лицами может составить до 1:20. В случае возникновения конфликта в густонаселенной Европе или в каком-либо другом аналогичном регионе число жертв среди гражданского населения было бы огромно.

Неизбирательность химического оружия, поражающего как вооруженные силы, так и гражданское население, делает его по своей природе прежде всего наступательным видом оружия. Поскольку химическое оружие, несомненно, приведет к большим потерям среди гражданского населения, чем среди личного состава вооруженных сил, то не имеет смысла использовать его как средство защиты от нападения. Вместо того, чтобы остановить наступление противника, химическое оружие в первую очередь привело бы к большим потерям среди собственного гражданского населения. Таким образом, оправдание потребности в химическом оружии оборонными целями просто не выдерживает критики. Более того, необходимость в обладании собственным химическим оружием для сдерживания нападения с применением такого же оружия просто отпала бы в случае полной ликвидации запасов химического оружия. При рассмотрении всех "за и "против" самым правильным представляется вывод о том, что для сторонников разработки и производства новых видов химического оружия это оружие играет далеко не последнюю роль в планах использования военного потенциала в наступательных целях.

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

Весьма красноречиво свидетельствует об этом выдвинутая НАТО доктрина воздушно-наземной битвы. В ходе наступательных военных операций химическое оружие может также применяться параллельно с ядерным и обычным оружием. В конкретной обстановке вероятнее, что сначала может применяться химическое оружие, а не другой вид оружия массового уничтожения — ядерное оружие. Это может произойти в ситуации, когда длительное заражение района, по которому наносится удар, представляется нежелательным. Некоторые боевые химические вещества способны привести к длительному заражению почвы, однако этим свойством обладает лишь небольшое число таких веществ. Как правило, химическое заражение будет гораздо менее длительным, чем радиоактивное заражение, вызванное применением ядерного оружия.

Повышение токсичности химического оружия и разработка средств его доставки проходят через более или менее определенные этапы. По-видимому, не вызывает сомнения тот факт, что сейчас мы находимся как бы между двумя этапами. Отравляющие вещества нервно-паралитического действия времен второй мировой войны заняли прочное место в арсеналах химического оружия ряда стран, а их боевая эффективность даже превысила желаемый уровень. Однако сегодня после долгих лет исследований и экспериментов, которые в некоторых случаях потребовали десятилетий, к массовому производству готово новое поколение химического оружия.

Поэтому вполне естественно, что Конференция по разоружению в течение последних шести лет рассматривает проблему запрещения химического оружия. Только один этот факт подтверждает то, что международное сообщество осознает необходимость предотвращения пополнения арсеналов новым, еще более токсичным и совершенным химическим оружием. Однако не допустить наступление этого нового этапа по-видимому, не так просто. Проблема заключается в том, что этот процесс начался очень давно. Параллельно с дальнейшим совершенствованием существующего химического оружия велась исследовательская работа по созданию новых его видов.

В этой связи сделанное в 1969 году Соединенными Штатами заявление о том, что они прекращают производство боевых химических веществ смертельного действия, представляет определенный интерес. Много красивых слов было сказано по поводу этого решения, и мы не собираемся ставить под сомнение его значимость. Однако при этом обычно упускается из виду один момент — Соединенные Штаты могли позволить себе прекратить производство боевых химических веществ, известных в то время, ввиду того, что они начали разработку бинарного оружия в соответствии с программой, предусматривающей применение новых видов боевых отравляющих веществ в военных целях.

К 1969 году обширные исследования в области бинарного оружия были уже завершены. Они начались в 1954 году, когда химическая служба армии США приступила к осуществлению программы, касающейся бинарного оружия, которую шесть лет спустя начали осуществлять военно-морские силы США. Широкое финансирование исследований в последующие годы позволило военно-морским и военно-воздушным силам США получить в 1965 году патент на бинарные бомбы с нервно-паралитическим газом типа "Биг Ай" и в 1968 году — на бинарные кассетные бомбы. В 1969 году на полигоне Дагуэй прошел полевые испытания прототип бинарного гаубичного

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

снаряда XM 687. Говоря о дальнейшей работе в этой области, следует упомянуть июнь 1980 года, когда палата представителей США утвердила средства, необходимые для строительства нового предприятия по производству бинарного химического оружия в Пайн-Блаффе (штат Арканзас). Последовало принятие необходимых политических решений как со стороны законодательных, так и исполнительных органов правительства США, и, таким образом, завершилась подготовка нынешнего этапа производства этого нового поколения химического оружия.

Если начнется производство бинарного и многокомпонентного оружия, то необходимая для запрещения химического оружия проверка будет сопряжена со значительными трудностями. Проблема заключается в том, что компоненты бинарного оружия могут производиться на предприятиях гражданской химической промышленности без необходимости скрывать крупные запасы. Они также могут использоваться в мирных целях, например для производства инсектицидов, лекарств и других химических веществ. Кроме того, технология производства бинарного оружия позволяет рассматривать возможность применения веществ, которые ранее, как предполагалось, являлись непригодными для применения в военных целях, поскольку относились к нестойким химическим веществам. Это далеко не все потенциально существующие опасности из тех, которые могут возникнуть в связи с применением такой новой технологии. Если мы не сможем предотвратить производство бинарного оружия, то окажемся на пути, полном неизвестных и зачастую непредсказуемых опасностей.

По нашему мнению, ни одна страна не начнет производство бинарного оружия, исходя только из соображений безопасности. Скорее наоборот, это будет связано с вынашиванием различных агрессивных планов и неизменным стремлением к наживе. А массовое производство бинарного и многокомпонентного химического оружия, по видимому, даст возможность поставщикам вооружений получать огромные сверхприбыли. До 1990 года Соединенные Штаты планируют израсходовать на программу производства бинарного оружия около 10 млрд. долл. США. Кроме того, возможное размещение бинарного оружия в различных регионах мира привело бы к значительному возрастанию угрозы применения химического оружия против многих государств, что способствовало бы лишь дальнейшему распространению химического оружия. Мы считаем, что ни необузданная агрессивность отставших от жизни военных стратегов, ни финансовые интересы военно-промышленного комплекса не являются законным основанием для того, чтобы государства начали новый раунд гонки химических вооружений. Мы готовы верить в то, что политический реализм возьмет верх и что в конечном счете своевременно будет сделан правильный выбор в пользу запрещения химического оружия.

Позвольте мне особо отметить еще одну сторону этой проблемы, которая делает запрещение химического оружия одной из неотложных задач. Можно заметить, что с развитием химической промышленности химические вещества промышленного и военного значения в определенной мере стали более сходными, чем это было в прошлом. Никто не может исключить возможность того, что в относительно недалеком будущем те из них, которые сегодня являются химическими веществами чисто промышленного назначения, могли бы использоваться в военных целях и наоборот. Например, одноцелевые прекурсоры, такие, как QL и DF, сегодня не применяются в промышленности. Однако, учитывая быстрое развитие науки и техники, никто не может дать нам гарантии того, что в будущем даже эти вещества не найдут определенного

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

коммерческого применения. Если это произойдет, то данные вещества могут быстро получить распространение во всей гражданской химической промышленности. В случае, если запрещение химического оружия не будет достигнуто к тому времени, то гораздо труднее будет договориться о таком запрещении и обеспечении его соблюдения. Таким образом, возникает весьма своеобразная ситуация: если не запретить химическое оружие, то естественное развитие химической науки и техники, которое никто не может остановить, объективно могло бы стать препятствием на пути к прекращению гонки химических вооружений. И, напротив, скорейшее достижение запрещения и полное его соблюдение позволили бы нам получить достаточные гарантии того, что в дальнейшем развитие химии пойдет по мирному пути, в более благоприятных условиях для плодотворного международного сотрудничества.

Мы высоко ценим то, что Конференция по разоружению уделяет должное внимание вопросу разработки запрещения химического оружия. Ее соответствующий Специальный комитет является пока самым активным рабочим органом Конференции, имеющим уникальный мандат для ведения переговоров. Делегации готовы активно работать не только в ходе сессии Конференции по разоружению, но также и в межсессионный период. О серьезной заинтересованности в разоружении в области химического оружия также свидетельствуют такие мероприятия, как проведение недавно Семинара по проверке непроизводства химического оружия, организованного Нидерландами, за что мы хотели бы выразить свою благодарность делегации этой страны.

Мы считаем, что каждая делегация должна внести свой вклад в достижение запрещения химического оружия. Это — проблема, которую должна решать не только небольшая группа стран, обладающих самыми крупными запасами химического оружия. Необходимость обеспечения всеобщего соблюдения такого запрещения, его возможные последствия для гражданской химической промышленности и международной торговли в этой области требуют, чтобы страны приняли активное участие в разработке основных положений конвенции. Весьма неразумным было бы ждать до тех пор, пока конвенция будет готова и лишь затем попытаться согласовать ее со своими собственными интересами.

Судя по некоторым политическим решениям, одно из которых я упомянул в начале своего выступления, представляется, что в настоящее время в некоторых странах НАТО развиваются две противоположенные тенденции: одна — в поддержку запрещения химического оружия, в то время как другая — в поддержку массового производства и разработки новых видов химического оружия. Однако две эти тенденции долго не могут существовать параллельно. Сейчас мы подошли к такому моменту, когда необходимо принять чрезвычайно важные решения. Если вторая тенденция возьмет верх и будет начата реализация программ по производству новых видов химического оружия, то переговоры о запрещении химического оружия столкнутся с серьезными препятствиями и задачи, которые предстоит решить, станут несравнимо более трудными.

Я не могу завершить свое выступление без того, чтобы не дать высокую оценку решению Советского Союза от 18 августа о продлении одностороннего моратория на испытания ядерного оружия до начала следующего года. Мы рассматриваем это как смелый и беспрецедентный шаг, целью которого является достижение

(Г-н Вейвода, Чехословакия)

практического прекращения гонки ядерных вооружений. Настало время и другим государствам, обладающим ядерным оружием, в первую очередь Соединенным Штатам, надлежащим образом отреагировать на этот конструктивный шаг, вызывающий восхищение всего мира. Это - дела, а не слова!

Как это обычно бывает в августе, нас покидают ряд наших коллег. Посол Гонсалвес уже вернулся в Дели и выполняет новые важные функции. Я хотел бы просить индийскую делегацию передать послу Гонсалвесу, насколько высоко я ценил тесное сотрудничество с ним. Нас покидают также: посол Алжира Керрум, посол Франции Жессель и посол Федеративной Республики Германии Вегенер. Нам доставляло удовлетворение работать вместе с ними, и мы желаем им всяческих успехов в выполнении новых важных заданий. Позвольте мне также приветствовать среди нас нового представителя Федеративной Республики Германии посла Штюльпнагеля. Мы уверены, что он внесет конструктивный вклад в работу Конференции.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Чехословакии за его выступление и добрые слова в адрес Президента. Я хотел бы также поблагодарить его за краткость выступления, учитывая число ораторов, значащихся в нашем списке.

Предоставляю слово представителю СССР г-ну Каширину.

Г-н КАШИРИН (Союз Советских Социалистических Республик): Членам Конференции и участвующим в ее работе наблюдателям от ряда стран уже известно, что на днях Советский Союз вновь продлил свой односторонний мораторий на ядерные взрывы, которого он строго придерживается вот уже в течение года. О специальном решении, принятом на этот счет Политбюро ЦК КПСС и Советским правительством, было объявлено в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева по московскому телевидению 18 августа, которое по просьбе советской делегации будет распространено в качестве официального документа Конференции.

Для специалистов в области разоружения особенно хорошо понятно, что это не было простым решением. Оно принималось в соответствии с принципиальным курсом Советского Союза на обеспечение всеобщей безопасности через разоружение, с учетом всего многообразия факторов, событий и проблем, определяющих лицо современного мира, реальностей ядерно-космической эры.

Реальности эти суровые. В мире нагромождены горы ядерного и всякого другого оружия, и тем не менее гонка вооружений не ослабевает, а убыстряет свой бег. Появилась опасность переноса ее в космос, идет форсированная милитаризация США и всего натовского блока. Темпы развития военной технологии настолько высоки, что они все меньше оставляют народам, государствам и политикам времени для осознания реальной опасности, сокращают возможности человечества остановить сползание к ядерной бездне. Медлить нельзя, иначе появятся настолько изощренные системы

(Г-н Каширин, СССР)

вооружений, что договориться о контроле над ними будет вообще невозможно. Положение становится все более нетерпимым. Сегодня мало сохранить существующие договоры, необходимы крупные практические шаги, способные осадить милитаризм и повернуть развитие событий к лучшему. Равновесие страха перестает быть фактором сдерживания. И не только по той причине, что страх вообще не советчик разуму и может только толкнуть на непредсказуемые по своим последствиям действия. Он, этот страх, прямой участник гонки вооружений. Усиливая недоверие и подозрения, он образует порочный круг нагнетания напряженности. В ядерную эпоху эти изжившие себя догматы питают политику, которая может привести к вселенскому пожару.

Доядерное мышление в сущности потеряло свое значение 6 августа 1945 года. Сегодня нельзя обеспечить собственную безопасность без учета безопасности других государств и народов. Не может быть подлинной безопасности, если она неодинаково равная и всеобъемлющая. Думать иначе - значит пребывать в мире иллюзий, в мире самообмана.

Две трагедии, связанные с техникой ядерно-космического века, случились в последнее время: гибель экипажа "Челленджера" и авария на Чернобыльской атомной станции. Они усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастически могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу. Эти события преподнесли предметный урок того, что произойдет, если будет пущено в ход ядерное оружие. Главный, пожалуй, самый главный урок, состоит в том, что созданное человеком оружие никогда не должно быть применено и что сегодня попросту самоубийственно строить межгосударственные отношения на иллюзии достижения превосходства в страшных орудиях истребления. Полностью ликвидировать их - вот единственный путь к подлинному миру. Специалисты подсчитали, что взрыв самого маленького ядерного заряда по силе радиации равен трем Чернобылям. Скорее всего, это так и есть. И раз так, то значит взрыв даже малой части накопленного ядерного арсенала уже станет катастрофой и катастрофой непоправимой. Если кто-то все же решится нанести первый ядерный удар, то сам обречет себя на мучительную смерть, и даже не от ответного удара, а от последствий взрыва собственных боеголовок. Это не пропаганда, не политическая импровизация, не нагнетание страха, а реальность, опровергать которую просто безответственно, а не учитывать - преступно.

Принятое Советским Союзом год назад решение о моратории основывалось на приверженности социализма как общественного строя делу мира, в глубоком понимании его ответственности за судьбы цивилизации. Советский Союз как социалистическое государство, как ядерная держава считает своим высоким долгом сделать все от него зависящее, чтобы уберечь мирное будущее для планеты. Наше стремление перевести ход международных событий на рельсы разрядки отвечает нашей философии, нашей социалистической нравственности, а в ядерный век спасение Земли от атомной гибели - задача общечеловеческая, дело всех народов.

(Г-н Каширин, СССР)

Нас, естественно, не могло не вдохновлять и то, что люди доброй воли приветствовали наше решение о продлении моратория на ядерные взрывы, мы услышали слова одобрения и поддержки со всех концов земли. Политики и парламентарии, общественные деятели и массовые организации увидели в этой акции пример правильного подхода к современным проблемам, надежду на избавление от страха перед ядерной катастрофой. Советский мораторий был одобрен Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций – самым представительным в мире собранием государств. Сейчас повсюду в мире в сознании народов, политических, общественных деятелей самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование человеческого рода, что пришло время решительных и ответственных действия. Об этом свидетельствуют, кстати, и выступления многих делегаций на Конференции по разоружению. О важности советского моратория говорили здесь уважаемые представители Мексики, Индии, Швеции, Венесуэлы и многих других стран.

Справедливости ради следует сказать, что некоторые делегации, отдавая должное советскому мораторию, выражали тем не менее сомнения в том, что он может дать ответ на аргументы противников запрещения испытаний. Я имею в виду, в частности, интересное и в иных отношениях весьма убедительное выступление уважаемого представителя Нидерландов посла Ван Шайка 29 июля с.г. по вопросу о запрещении ядерных испытаний.

В этой связи хотел бы подчеркнуть, что, как не раз подчеркивалось нами в прошлом, Советский Союз рассматривает мораторий не как самоцель или замену всеобъемлющего договора о запрещении испытаний, а как важный первый шаг к такому договору. Более того, Советский Союз выразил готовность договориться об осуществлении ряда контрольных мероприятий для проверки соблюдения двустороннего советско-американского моратория, включая в необходимых случаях и инспекции на местах.

Таким образом, взаимный контролируемый мораторий мог бы стать как бы генеральной репетицией всеобъемлющего договора о запрещении испытаний, заключение которого было и остается нашей главной целью в данном вопросе. В этой связи можно напомнить и о том, что в прошлом мораторий на ядерные испытания содействовал заключению Договора 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Много делегаций на Конференции с озабоченностью отмечали, что США до сих пор отказываются последовать примеру Советского Союза, присоединиться к мораторию. Действительно, Соединенные Штаты, оставаясь на протяжении 40 лет чемпионами по числу взрывов, взорвали за год советского моратория еще 18 ядерных устройств, из которых о трех не было объявлено. При этом, как правило, делали это демонстративно, приурочивая эти испытания то к нашему Заявлению о продлении моратория, то к той или иной советской инициативе. Да еще нас и приглашали в Неваду посмотреть, как это все происходит. К этому стоит добавить, что

нынешняя администрация США осуществляет самые широкие военные программы. Словом, оснований у Советского Союза вполне достаточно для возобновления своих ядерных испытаний. И все же мы и сейчас убеждены, что прекращение ядерных испытаний не только Советским Союзом, но и Соединенными Штатами было бы реальным прорывом к приостановке гонки ядерных вооружений, ускорителем их ликвидации. Логика здесь простая: не будет испытаний, не будет и совершенствования ядерных вооружений, которых и без того у обеих сторон накоплено в избытке. Об этом же свидетельствуют обращенные к США и Советскому Союзу призывы значительной и авторитетной части мирового сообщества государств. Среди них "делийская шестерка", постоянно действующий форум руководителей стран четырех континентов: Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции. На днях на встрече в городе Ивтапе они приняли мексиканскую декларацию, в которой вновь содержится призыв к прекращению всех ядерных испытаний. Таково же требование большинства государств - участников движения неприсоединения. Конечно, в Советском Союзе отдадут себе отчет в том, что в США активно действуют силы, которые вообще не хотят разоружаться. Более того, они все делают для того, чтобы втягивать нас в новые и новые витки гонки вооружений, спровоцировав нас на то, чтобы мы хлопнули дверь на переговорах. Но мы хотели бы надеяться на то, что в американских оценках и действиях возмут верх реализм, понимание необходимости совместных поисков путей к оздоровлению международной обстановки, прекращения бессмысленной гонки вооружений и ликвидации ядерного оружия.

В этих условиях всесторонне, скрупулезно взвесив все за и против, руководствуясь ответственностью за судьбы человечества, Политбюро Центрального Комитета КПСС и правительство Советского Союза приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года. Предпринимая этот шаг, Советский Союз верит, что люди во всех странах света, политические круги, международная общественность правильно оценят длительную тишину на советских ядерных полигонах. "От имени советского народа, - подчеркнул в этой связи М.С. Горбачев, - я обращаюсь к разуму и достоинству американцев не упустить еще раз исторический шанс на пути к прекращению гонки вооружений". Советский Союз уверен, что соглашение о прекращении ядерных испытаний можно достичь быстро и подписать его уже в этом году на советско-американской встрече в верхах. Это событие стало бы вне всякого сомнения главным реальным итогом встречи, значительным шагом на пути прекращения гонки вооружений. Оно явилось бы своего рода прологом к дальнейшему прогрессу на переговорах по ядерным вооружениям и их ликвидации, к радикальному оздоровлению всей обстановки в мире. Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы, будучи действием, а не просто предложением, на деле доказывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике, политике реализма, мира и сотрудничества. Более половины 1986 года, объявленного Организацией Объединенных Наций Годом мира, позади. Продлевая свой односторонний мораторий, Советский Союз вносит вклад в общее стремление добиться того, чтобы этот год остался в истории достойным своего названия. Таков смысл новой политической инициативы Советского Союза.

(Г-н Каширин, СССР)

Советская делегация хотела бы воспользоваться этим случаем, чтобы также представить внесенный ею рабочий документ CD/724, посвященный вопросам сейсмического контроля за непроведением ядерных испытаний. (Как нам сообщили в Секретариате, этот документ будет в ближайшее время распространен на всех языках.) В документе излагаются соображения Советского Союза по этому важному аспекту контроля за запрещением ядерных испытаний, в т.ч. относительно оперативного обмена сейсмическими данными второго уровня и о проведении соответствующего международного эксперимента. Предложения Советского Союза на этот счет продиктованы стремлением всемерно ускорить заключение многостороннего договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия при действенном контроле.

Как не раз подчеркивала советская делегация, наша страна готова использовать все возможные пути, ведущие к этой цели. Здесь, на Конференции по разоружению, мы настойчиво добивались создания соответствующего специального комитета, проявили значительную гибкость в ходе консультаций по его мандату, и, естественно, нельзя не выразить сожаления и разочарования в связи с тем, что, несмотря на все усилия социалистических стран и государств - членов "группы 21", Конференция так и не смогла договориться о создании такого комитета. В этой связи мы хотели бы выразить согласие с мнением уважаемого представителя Мексики посла Гарсия Роблеса, что в поисках компромисса государства, выступающие за начало многосторонних переговоров по запрещению ядерных испытаний, прошли большую часть пути. Ясно, что лишь негибкая позиция США и их ближайших союзников не дает возможности Конференции практически приступить к работе по этому вопросу уже третий год подряд. Достойно сожаления, что западные страны - авторы документов CD/521 и CD/621 не проявили хоть на йоту гибкости, не прислушались к мнению других стран, составляющих большинство на Конференции.

Придавая исключительно важное значение разработке многостороннего договора о запрещении испытаний, мы по вполне понятным причинам считаем важным, чтобы меры по прекращению ядерных испытаний были приняты в первую очередь СССР и США. Вот почему Советский Союз, объявивший год назад односторонний мораторий на ядерные взрывы и недавно вновь продливший его еще почти на полгода, так настойчиво добивается присоединения США к этому мораторию, так остро ставит вопрос о возобновлении и доведении до практических результатов трехсторонних переговоров между СССР, США и Англией.

В связи с вопросом "группы 21", который был адресован делегациям СССР и США относительно двусторонних усилий этих стран по вопросу о запрещении ядерных испытаний, мы хотели бы отметить, что разделяем мнение неприсоединившихся и нейтральных стран о том, что двусторонние и многосторонние усилия могут полезно дополнять друг друга. Что касается двусторонних усилий в этой области, то, как известно, в Женеве 25-31 июля с.г. состоялся раунд советско-американских переговоров по проблеме прекращения испытаний ядерного оружия. Советская сторона в Женеве твердо поставила вопрос о том, что их целью должно быть определение

(Г-н Каширин, СССР)

путей и условий запрета ядерных испытаний, равно как и решение проблемы контроля. В отношении вопросов контроля мы исходили и исходим из необходимости того, чтобы это был контроль за запрещением ядерных испытаний, а не за их проведением. Эту линию мы проводим на любых форумах, занимающихся вопросом запрещения ядерных испытаний. К сожалению, позиция другой стороны никак не свидетельствует о конструктивном подходе администрации США к одному из острейших вопросов нашего времени, за неотложное решение которого выступает сейчас подавляющее большинство государств, миллионы людей во всем мире, в т.ч. и большинство населения в самих Соединенных Штатах. Советский Союз и в дальнейшем будет неуклонно добиваться, чтобы советско-американские переговоры, следующий раунд которых назначен на начало сентября, завершились конкретными договоренностями, которые позволили бы наконец сдвинуть с мертвой точки решение этой давно назревшей проблемы.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя СССР и предоставляю слово представителю Японии послу Имаи.

Г-н ИМАИ (Япония) (перевод с английского): Мне вовсе не безразлично осознавать, что в этом августе завершаются четыре полных цикла моей работы на Конференции по разоружению. Помимо работы в Первом комитете Организации Объединенных Наций и на различных конференциях к моей дипломатической карьере теперь добавилось около 24 месяцев участия в обсуждениях и переговорах в этом зале заседаний. Я хотел бы отметить, что это действительно было настоящим удовольствием и привилегией. Если все будет так, как запланировано, то маловероятно, что я останусь на пятый срок и буду здесь в следующем феврале. Поэтому сегодня, по-видимому, я имею последнюю возможность выступить на пленарном заседании в качестве главы делегации Японии; я хотел бы попросить моих коллег набраться терпения, пока я буду говорить о том, что, по-моему мнению, является наиболее важными чертами международных усилий в области разоружения.

Все мы можем вспомнить добрые старые времена, когда никто из нас не сомневался в том, что главное на переговорах по разоружению заключается в сокращении вооружений и укреплении таким образом безопасности. Из всех видов оружия наибольшее значение безусловно имеют ядерные взрывные устройства и системы их доставки. Совершенно естественно, что когда в 50-х годах в Женеве было положено начало послевоенному процессу разоружения, его центральной темой было запрещение ядерных испытаний, которое было вызвано озабоченностью по поводу заражения окружающей среды и являлось кратчайшим путем к ограничению разработки новых и более мощных видов оружия. В это время ядерные боеголовки и методы испытаний были несовершенны, поэтому логика запрещения испытаний была совершенно ясной. К тому же достижение полного запрещения ядерного оружия и установление полного международного контроля над связанными с ними технологией и материалами были еще как весьма отдаленной перспективой. Я бы хотел немного позже остановиться на этой центральной теме женевского процесса.

(Г-н Имаи, Япония)

В конце 50-х годов состав женеvского форума переговоров изменился: сначала в нем участвовали 10 восточных и западных стран, затем к ним присоединились восемь неприсоединившихся государств и образовался Комитет 18 государств по разоружению. Сейчас в Конференции по разоружению участвуют 40 государств-членов. Переговоры по контролю над вооружениями велись и ведутся и на других форумах, в том числе на двусторонней основе между США и Советским Союзом, а также на двусторонней и трехсторонней основе по европейским аспектам этой проблемы. Переговоры проходили также на региональных уровнях.

Несмотря на рост числа и расширение масштабов форумов для ведения переговоров, сегодня мы, к сожалению, не продвинулись ближе к успеху в деле сокращения вооружений, будь то ядерных или иных. Напротив, мы стали свидетелями стремительного роста числа и поражающей способности ядерных боеголовок, быстрого роста числа, радиуса и забрасываемого веса ракет, совершенствования наведения на цель и повышения степени боеготовности. Единственное, чего нам удалось достичь - это приостановить рост числа государств, обладающих ядерным оружием, что произошло благодаря совместным самоотверженным усилиям и благоразумию участников Договора о нераспространении ядерного оружия. С большим интересом мы ждем от проходящих в Женеве между Соединенными Штатами и Советским Союзом переговоров глубоких сбалансированных и поддающихся проверке сокращений ядерного оружия. Эти переговоры могут стать первыми в истории переговорами, которые приведут к реальному сокращению ядерных вооружений, а не просто к установлению предельных уровней их роста, и мы искренне надеемся, что такие меры будут реализованы на практике двумя договаривающимися сторонами.

Обратимся мысленно к подлинной цели переговоров о контроле над вооружениями и разоружении. Отмечалось, что несмотря на огромный рост арсеналов ядерного оружия, или, быть может, вследствие этого, в последние 40 лет миру удается избежать ядерной катастрофы. Поражающая способность ядерных арсеналов двух стран такова, что вступают в силу факторы как физического, так и психологического сдерживания, и в то же время имеются чрезвычайно сложные системы управления и контроля для предотвращения случайного возникновения ядерной войны. Та ситуация, которая когда-то сравнивалась с поведением двух скорпионов, посаженных в одну бутылку, в какой-то степени сохраняется. Теперь она характеризуется как взаимно гарантированное уничтожение в сочетании с минимумом мер по укреплению доверия, обеспечивающих сотрудничество в урегулировании кризисных ситуаций.

Положение это далеко не идеальное, но таким образом мир продолжает существовать, и в этой связи я хотел бы затронуть концепцию "ядерной зимы". Я всегда относился с некоторой долей недоверия к тем, кто пытается делать количественные предсказания в отношении последствий ядерной войны, основываясь на простых одномерных климатических моделях. Процессы в земной атмосфере определяются гораздо более сложными законами. Поэтому я с удовлетворением почерпнул из недавнего номера "Форин афферс" важное разъяснение, касающееся возможных отрицательных последствий, вытекающих из применения излишне упрощенной модели.

Существует теория, согласно которой важнейшим аспектом контроля над вооружениями и разоружения является не подписанные и скрепленные печатями документы, а продолжение самого процесса, в ходе которого две основные ядерные державы

(Г-н Иман, Япония)

постоянно поддерживают контакт и ведут диалог, касающийся военных потенциалов друг друга. Гораздо более опасное положение сложилось бы, если эти государства не вели бы между собой переговоров.

К сожалению, в нынешних условиях вышеупомянутый взгляд нельзя назвать чрезмерно пессимистичным. Достаточно вспомнить тот чрезвычайно длительный период времени, который потребовался для разработки обоими партнерами соглашений по ОСВ, и можно будет достаточно обоснованно утверждать, что процесс переговоров важен по крайней мере так же, как и его исход. Мы можем добавить, что те же самые соображения применимы и в отношении многосторонних переговоров.

Я бы хотел остановиться на следующих трех моментах. Первый касается необходимости сохранения контактов или же неотказа от них. Наглядным примером осознания такой необходимости является то значение, которое придается линии прямой связи, являющейся элементом механизма избежания кризисных ситуаций между двумя наиболее могущественными державами. Второй момент на практике широко признается в качестве основы стабильности и безопасности и заключается в поддержании надлежащего равновесия между двумя силами. Я не буду вдаваться в теоретические подробности, касающиеся того, что является и не является сдерживанием согласно современному стратегическому мышлению. Понятийные рамки со временем меняются. Достаточно сказать, что равновесие вооруженных сил как обычных, так и ядерных является важной составной частью современного контроля над вооружениями. В-третьих, выработка любого соглашения в области разоружения требует огромной кропотливой работы. Все мы знаем, что такие понятия, как "определения", "объявления" и "проверка" должны вырабатываться тщательно и очень подробно, с тем чтобы основное равновесие, являющееся сутью любого соглашения, было ясно определено и осуществимо на практике.

Нет необходимости напоминать, что к настоящему времени Конференция по разоружению находится в разгаре такой кропотливой работы в отношении Конвенции о запрещении химического оружия, в то время как по ряду других пунктов повестки дня нет единого мнения относительно того, каким образом следует нам, участникам Конференции, подходить к этим необходимым составным элементам. В любом случае эти соображения со всей определенностью приводят нас к выводу о том, что простой декларативный подход к разоружению и контролю над вооружениями более не является достаточным или убедительным.

По мере продолжения нами этих обсуждений назревает необходимость того, чтобы мы вновь рассмотрели роль такого многостороннего форума, как наш, в контексте продолжающегося диалога о контроле над вооружениями между двумя основными державами. Конференция по разоружению – единственный многосторонний форум для ведения переговоров по разоружению. Поэтому было бы полезным обратиться к тем основным задачам, которые возлагались на нее в момент принятия Заключительного документа. С учетом того факта, что Конференция по разоружению за семь лет своего существования так и не смогла заключить ни одного соглашения в области разоружения, этот вопрос нельзя игнорировать.

(Г-н Имаи, Япония)

Довольно легко было бы возложить вину за создавшееся положение на отсутствие так называемой политической воли со стороны кого-либо другого, и, таким образом, сложить вину с себя. Если же полезность многостороннего форума для ведения переговоров определяется прежде всего его пропагандистскими функциями, то это уже другой вопрос. Япония со своей стороны никогда не рассматривала Конференцию по разоружению как форум для поддержания отношений с общественностью или как средство повышения собственного политического престижа. По моему мнению, перед нами стоят гораздо более серьезные проблемы, важность которых намного превосходит простое чувство гордости, связанное с участием, и стоит выше желания заполучить себе алиби за счет чьей-либо "политической воли".

Когда-то для женевского процесса было достаточно совместных проектов, представляемых США и Советским Союзом. Первоначально данный многосторонний форум выступал в качестве трибуны, с которой провозглашались проекты, затем рассматривались их положения, представлялись замечания и, наконец, они направлялись Генеральной Ассамблее для окончательного рассмотрения и утверждения. Примерами этому служат Договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия 1963 года, Договор о нераспространении ядерного оружия 1970 года и другие. Аналогичный путь прошли Договор об Антарктике 1960 года и Договор о космическом пространстве 1967 года.

С другой стороны, был заключен ряд чисто двусторонних соглашений по проблемам, которые, как считалось в то время, носили исключительно двусторонний характер. В истории ведения переговоров по заключению Договора об ограничении систем противоракетной обороны мы можем найти интересную ссылку на потенциальные наступательные возможности третьей стороны. Тем не менее то, что равновесие наступательных и оборонительных вооружений является вопросом, носящим преимущественно двусторонний характер, не ставилось под сомнение. В то же время, несмотря на то, что ни одно другое государство, за исключением США и СССР, не располагало какой-либо практической возможностью и не имело намерения размещать оружие массового уничтожения на земной орбите, Договор о космическом пространстве был задуман и разработан как многосторонний документ.

Сегодня мы живем и работаем в обстановке, отличающейся от времен совместного сопредседательства и совместных проектов, и этот факт сам по себе отражает растущее значение многостороннего участия. В то же время необходимо ясно понять, что любая идея, связанная с ядерным или космическим разоружением, которая не находит одновременной поддержки двух основных держав, не может быть жизнеспособной. Осознание этого факта ни в коей мере не умаляет, а напротив повышает значение нашей роли и ответственности в деле контроля над вооружениями и разоружения, заставляя нас прилагать усилия либо совместно, либо раздельно, с тем чтобы убедить основные державы в необходимости принятия реальных мер в области разоружения, которые в конечном счете не являются делом лишь двух стран.

(Г-н Имаи, Япония)

Возможно, я слишком долго говорил об общих вопросах. Тем не менее, это не просто мое личное убеждение — это та позиция, которой я придерживался, выполняя свои обязанности на данном форуме в последние четыре года. Теперь я бы хотел обратиться к вопросу о запрещении ядерных испытаний, который занимает одно из центральных мест на Женевском форуме по разоружению.

Что касается практических окончательных мер, приведших в 1963 году участников переговоров к заключению соглашения о частичном запрещении ядерных испытаний, включая оценку сейсмического обнаружения и влияние результатов подземных испытаний на конструкцию боеголовок, то мы располагаем лишь ограниченными сведениями, представленными только американской стороной. Советский Союз не предоставил каких-либо важных сведений, отражающих те соображения, которыми он руководствовался при заключении Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, равно как и сведений о каких-либо политических или технических соображениях, лежащих в основе принятия решений в военной области. В связи с этим нам весьма трудно провести какое-либо реалистическое сравнение позиций обоих государств в отношении режима всеобъемлющего запрещения испытаний. Со стороны Советского Союза мы видим лишь декларативную позицию без объяснений. Мне представляется, что существуют какие-то рамки, в пределах которых объяснение деталей будет способствовать, а не препятствовать прогрессу в отношении режима запрещения испытаний.

Япония всегда подчеркивала важность создания всемирной сейсмической сети, с помощью которой мог бы осуществляться эффективный обмен данными уровней I и II. Мы представили ряд рабочих документов по этому вопросу и выдвинули ряд предложений, в надежде превратить идею о создании какой-либо жизнеспособной многосторонней системы проверки в предмет постоянного внимания. Последние сдвиги на Конференции по разоружению, цель которых — стимулировать дальнейшую работу ГНЭ (Группы научных экспертов), заслуживают одобрения. Остается не совсем ясным вопрос о двусторонней проверке. Данные о максимальной чувствительности национальных технических средств никогда не сообщаются (и по этой причине национальные технические средства никогда не уточнялись в международном соглашении), и мы не знаем, существует ли какая-либо граница, ниже которой обнаружение и идентификация подземных ядерных взрывов не дают точных результатов. Даже при установке на местах приборов, способных обнаруживать и анализировать слабые сигналы, если только они не устанавливаются в непосредственной близости от какого-либо испытательного полигона, может существовать определенный предел, ниже которого соотношение сигнала и шума будет таковым, что точное обнаружение затруднено. В то же время имеются сообщения о ядерных устройствах мощностью менее килотонны, которые находят применение либо непосредственно в качестве оружия, либо в качестве детонаторов для других видов оружия. Несмотря на то, что возможность эффективного моделирования с помощью компьютера реального ядерного взрыва не представляется достаточно убедительной, это дает возможность тщательного рассмотрения значения режима всеобъемлющего запрещения испытаний.

Выдвигаются также доводы о том, что периодическое проведение испытаний необходимо для проверки пригодности существующих арсеналов; другие же эксперты эту точку зрения отвергают. И хотя мы не можем настоятельно требовать вынесения суждения в отношении всех этих доводов, именно памятуя об этом, Япония выдвинула в 1984 году предложение о поэтапном подходе к решению данной проблемы.

(Г-н Имаи, Япония)

К величайшему сожалению, Конференция по разоружению потратила большую часть усилий в этой области на решение вопроса о мандате для Специального комитета и ни разу не имела возможности внимательно изучить вопросы существа, в том числе те, которые одно время предлагались нами.

Поскольку трудно поверить, что нынешние направления научной и инженерной мысли в области разработки и испытаний ядерного оружия отличаются друг от друга в различных странах, наша неспособность оценить подход СССР к этому вопросу не дает нам лучше понять эту проблему во всей ее сложности. По моему мнению, для того чтобы обсуждение на Конференции по разоружению было результативным, было бы гораздо полезнее раскрыть некоторые из имеющих отношение к делу деталей, чем выдвигать предложения о замораживании, которое, несмотря на то позитивное впечатление, которое могут создать, тем не менее являются одной стороной позицией и ассоциируются с другими проблемами в прошлом.

Если бы мы могли представить, что занимаемся разработкой конвенции о запрещении ядерного оружия по аналогии с конвенцией по химическому оружию, то можно было бы с большей ясностью определить место запрещения испытаний в рамках всеобъемлющей системы ядерного разоружения. Нам, безусловно, будут нужны определения, для чего потребуются разъяснение национальных соответствующих позиций в отношении исследований явления ядерного взрыва в лабораторном масштабе. В этом случае нам быть может придется иметь дело с так называемыми "разрешенными видами деятельности" или "защитными целями", что может быть ни чем иным, как противоречием в терминах. За первоначальным объявлением запасов оружия последует их проверка, а затем - ликвидация. Нельзя забывать также о непроизводстве, в связи с чем может оказаться полезным опыт Международного агентства по атомной энергии в области ядерных гарантий.

Я говорю обо всем этом, как о вопросах, которые мы рассматривали бы, если бы нам пришлось разрабатывать конвенцию о запрещении ядерного оружия. К сожалению, как цель в области разоружения разработка такой конвенции представляется весьма отдаленной перспективой. Тем не менее ничто не мешает нам вести такую работу, с тем чтобы установить конечную цель, которая станет тем критерием, который можно будет использовать для оценки различных возможностей по запрещению испытаний. Я не думаю, что, внося предложение о запрещении испытаний, Япония питала какие-либо иллюзии относительно того, что может быть реально достигнуто в краткосрочном плане. В то же время мы не видели каких-либо препятствий к тому, чтобы настаивать на сохранении основного смысла данного вопроса.

Теперь я бы хотел коснуться некоторых других пунктов повестки дня Конференции по разоружению.

Космическое пространство в настоящее время уже широко используется, например, для метеорологического наблюдения, коммерческой и других видов связи, геологических и геофизических наблюдений, осуществляемых с помощью спутников для разведки земных ресурсов. В то же время нет сомнения в том, что деятельность в открытом космосе ведется в помощь наиболее передовой и наиболее сложной современной техники. К тому же разграничение мирного и военного использования,

(Г-н Имаи, Япония)

наступательных и оборонительных систем традиционно представляло собой наиболее сложную и запутанную с концептуальной точки зрения задачу.

Несмотря на значительные сложности технического, правового и финансового характера, нам представляется, что использование космического пространства должно вестись совместно и на многосторонней основе, исходя из широко признаваемого правового и технического режима. До настоящего времени соприкосновение человечества с космическим пространством было крайне ограниченным, и в то же время непосредственный доступ к различным земным орбитам имело лишь небольшое число стран. Тем не менее мы полагаем, что с расширением использования космического пространства потребуются проведение обширной и сложной работы, и если это действительно будет так, то мы уже сейчас должны начать такую работу, приступив к изучению широких рамок возможных соглашений, касающихся того порядка, который мы хотели бы видеть в космическом пространстве, с точки зрения эффективного предотвращения гонки вооружений. В этой связи, хотя разоружение может оставаться нашей первоочередной задачей, нам нет необходимости ограничиваться рассмотрением таких неотложных вопросов, как противоракетная оборона или противоспутниковое оружие. Поспешность в этом вопросе приведет к путанице. По моему мнению, многие системы ПРО по своим техническим характеристикам могут выполнять функции противоспутникового оружия, а большинство МБР — функции ПРО.

В прошлом я неоднократно имел возможность высказаться о нашей работе в области химического оружия, и сейчас я не намерен повторяться. Скорее я хотел бы остановиться на следующих моментах.

Вследствие трудностей, с которыми сталкивается Конференция по разоружению в процессе ведения переговоров по другим пунктам повестки дня, имеется явный интерес к химическому оружию как к единственной теме, по которой реально ведутся переговоры. Само по себе это может быть обнадеживающим признаком, особенно принимая во внимание растущий интерес к этому вопросу со стороны правительств различных стран. В то же время, поскольку основной объем работы ведется на уровне рабочих групп, которые собираются пять или шесть раз в неделю, довольно нелегко полностью охватить все технические и правовые детали ведущейся работы. Не исключено, что в сложившихся обстоятельствах как от технических экспертов, так и от неспециалистов может ускользнуть общее структурное построение конвенции, и это, очевидно, может произойти в каждом конкретном случае по-разному. Коль скоро все мы выступаем за скорейшее заключение конвенции о химическом оружии, есть еще одно важное соображение. Оно заключается в том, что конвенция в силу необходимости станет документом, который создаст некоторые ограничения для мировой химической промышленности. Поскольку широкий контроль за этой гигантской и высоко развитой отраслью практически неосуществим и нежелателен, важно провести четкую границу, до которой действенное запрещение химического оружия может осуществляться без ненужного вмешательства в повседневное функционирование мирной химической промышленности. Безусловно, это легче сказать, чем сделать, но, по-видимому, альтернативы не существует.

Мне кажется, что в конвенции имеется ряд ключевых положений, обозначающих эти разделительные линии, и, как только они будут определены и найдут общее

(Г-н Имаи, Япония)

признание, можно будет отыскать способы для того, чтобы соответствующие детали рассматривались по отдельности соответствующими экспертами наиболее оперативно. Если нам не удастся внести ясность в эти ключевые положения, то концептуальные рамки конвенции могут буквально разбухнуть от излишне подробных положений. И тогда, действительно, мы будем бесплодно растрачивать то, что является, по-видимому, политической волей к скорейшему заключению этой конвенции.

И наконец, я хотел бы сказать несколько слов о радиологическом оружии и, в частности, о том, что принято называть "направлением В", хотя бы из-за того, что мне в прошлом приходилось иметь дело с ядерными электростанциями. Авария реактора в Чернобыле стала очень печальным происшествием. Мы глубоко скорбим по поводу погибших и выражаем наше искреннее сочувствие тем, чьи страдания, по-видимому, все еще продолжаются. В то же время эта авария имеет ряд технических особенностей, присущих лишь Чернобылю, поэтому ее трудно каким-либо образом обобщить. Одна из особенностей, являющаяся уроком этой аварии, заключается в необходимости организованных и оперативных международных действий, включая немедленное информирование об авариях и принятие необходимых совместных решений с целью сведения ущерба до минимума. В этой связи мы с удовлетворением отмечаем, что на прошлой неделе в Вене правительственная группа экспертов успешно и за короткий срок разработала тексты "Конвенции о немедленном уведомлении о ядерной аварии" и "Конвенции об оказании помощи в случае ядерной аварии или возникновения чрезвычайной радиологической обстановки". В то же время мы всегда отдавали себе отчет в возможных последствиях неконтролируемого и крупномасштабного распространения радиоактивности, и озабоченность относительно этого возникла не в связи с Чернобылем. Позиция нашей страны всегда заключалась в том, что мы должны прийти к соглашению о запрещении военного нападения на мирные ядерные объекты, но пока не приступать к решению такой сложной задачи, как определение количественных порогов таких объектов. Мы заняли эту позицию во время выдвижения нами в 1982 году на Конференции по разоружению идеи о факультативном протоколе, и наша позиция остается неизменной.

Я прошу извинить меня, если в своем выступлении я увлекся чрезмерными обобщениями или философскими рассуждениями. В то же время я уверен в том, что, изучая проблему контроля над вооружениями и разоружения, следует иногда отказываться от полемики и подробностей и поразмышлять немного о том, чего мы действительно хотим добиться. За четыре года моего пребывания в этом зале заседаний мое место за столом переговоров переместилось почти на 180 градусов из правого угла в то место, которое я занимаю сегодня. В начале моего выступления, я сказал, что это, по-видимому, последняя возможность для меня выступить на пленарном заседании, и я взял на себя смелость поделиться с вами некоторыми своими мнениями. Я надеюсь, что был логичен. Благодарю Вас, г-н Президент, и через Вас я хотел бы поблагодарить также и всех моих коллег.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Японии за его выступление. Как нам стало известно, посол Имаи, вероятно, покинет нас после четырехлетней работы на благо своей страны и нашей Конференции, в процессе которой он проявил выдающиеся дипломатические способности. Нет необходимости напоминать о том значительном вкладе, который он внес в нашу работу - он всем хорошо известен. Так или иначе, нам будет не хватать его советов, его юмора,

(Президент)

мудрости, его личных знаний и также, если я могу это сказать от имени всех вас, его человеколюбивого оптимизма, рационально присущего природе человека, а также его умения быть хозяином своей судьбы. Позвольте мне от имени участников Конференции пожелать послу и г-же Имаи всего самого наилучшего в личной жизни и на дипломатическом поприще.

Сейчас я предоставляю слово представителю Алжира послу Керруму.

Г-н КЕРРУМ (Алжир) (перевод с французского): Г-н Президент, позвольте мне прежде всего поздравить Вас от имени делегации Алжира в связи с вашим избранием на пост Президента нашей Конференции. Убежден, что Ваши общепризнанная компетентность и большой опыт, а также приверженность правительства и народа Канады делу разоружения станут гарантией успеха нашей работы, а также залогом успеха при подготовке следующей сессии. Мне хотелось бы также отдать дань уважения Вашему предшественнику - послу Бирмы У Тин Туну, который не жалел сил и проявил большое старание, находясь на посту Президента в июле.

Сейчас, когда сессия 1986 года Конференции по разоружению близится к завершению, истекают и мои полномочия как представителя Алжира на Конференции. Год, который я провел здесь среди вас - срок небольшой, и, конечно, его недостаточно, чтобы я мог выступать здесь с подведением итогов, что по традиции принято делать на данном этапе работы. И все же, я, наверное, сделаю это, сославшись на ту почетную возможность, которую я уже имел, находясь здесь в феврале 1979 года, и поделюсь с вами некоторыми мыслями, которые возникли у меня с учетом двойного опыта пребывания здесь с перерывом в несколько лет.

В феврале 1979 года, вскоре после проведения первой Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению, успех которой был воплощен в Заключительном документе, равно как и в феврале 1986 года, после женевской встречи на высшем уровне между Президентом Рейганом и Генеральным секретарем Горбачевым, получившей международный резонанс, были все основания надеяться на то, что в области разоружения удастся достигнуть решающих успехов и что Конференция по разоружению, которая воплощает общность судеб и является выразителем общих стремлений стран, сыграет действенную роль и полностью выполнит свое предназначение в качестве уникального органа для ведения многосторонних переговоров в этой области. Однако теперь приходится констатировать, что ожидания международного сообщества не оправдались. Ни стремление, которое обрело в 1978 году форму международного консенсуса столь же широкого масштаба, сколь грандиозна и сама проблема, стоящая перед человечеством, ни торжественно выраженная в 1985 году воля двух крупнейших держав не помогли Конференции по разоружению добиться существенных результатов. Напротив - и в этом можно убедиться по тому, какой оборот приняли события в ходе нынешней сессии, по тому, как шло обсуждение различных пунктов повестки дня, - насколько можно судить, мы находимся в 1986 году дальше от Заключительного документа, который является и который должен оставаться для нас образцом, чем в 1979 году.

(Г-н Керрум, Алжир)

Конечно, были приложены значительные достойные одобрения усилия и удалось продвинуться вперед на переговорах о Конвенции по химическому оружию. Вместе с тем, констатируя это положительное развитие событий, делегация Алжира считает сегодня уместным скорее выразить свою озабоченность в связи с намечающейся тенденцией. Как представляется, задача полного запрещения химического оружия постепенно теряется из виду и происходит сдвиг в сторону разработки концепции, более близкой к режиму нераспространения. Если такая тенденция подтвердится, это будет означать шаг назад тем более негативный, что сама по себе эта тенденция несет в себе элементы неизбежного поражения. Действительно, помимо соображений безопасности, само подписание и особенно соблюдение такого соглашения, могут лишь зависеть от имеющихся у государств мощностей по производству химического оружия и потребностей в его разработке. Здесь мне не остается ничего иного, как повторить уже сказанное мною 25 февраля 1986 года: конвенция по химическому оружию "может предусматривать только полную ликвидацию химического оружия и накладывать запрет на его разработку, производство и хранение. Эта Конвенция никоим образом не должна приобретать характер режима нераспространения и не создавать каких-либо помех для химической промышленности, которая является основой развития, в частности, в сельскохозяйственной сфере".

Величайшее сожаление связано с вопросом о запрещении ядерных испытаний ввиду весьма символического характера такого запрета, рассматриваемого как проявление стремления остановить, а затем обратить вспять гонку вооружений. Общее согласие на мораторий и полная готовность приступить к переговорам остаются единственным адекватным ответом на надежды мирового Сообщества. Не могут не вызывать сожаления бесконечные улаживания и согласования, вызванные неспособностью учредить специальный комитет с мандатом на ведение переговоров.

Однако дебаты по этому вопросу далеко не бесполезны. Подкрепленные деятельностью Группы научных экспертов по рассмотрению международных совместных мер по обнаружению и идентификации сейсмических явлений, они способствовали осознанию того, что проблемы проверки применительно к ядерным испытаниям больше не являются непреодолимыми, причем это справедливо также и в отношении химического оружия, лишь бы была политическая воля к достижению конкретных результатов и согласие с необходимостью заключения соглашения.

Такое же разочарование и огорчение вызывает положение дел в вопросе о космическом пространстве. Вместо того, чтобы обеспечить возможность воспрепятствовать развитию гонки вооружений в космосе пока не поздно, насколько можно судить, предпочитают рассматривать лишь возможность контроля за этой гонкой.

Такого рода застой и столь агрессивная тенденция, вполне естественно, не могут привести к существенным результатам в области предотвращения ядерной войны и всеобъемлющей программы разоружения, несмотря на большие и весьма похвальные усилия, которые уже были приложены и продолжают прилагаться.

(Г-н Керрум, Алжир)

В политике, как в искусстве добиваться возможного, реализм несомненно является одним из ценнейших достоинств. Сегодня в мире, где все большее значение приобретает закон соотношения сил, более реалистично было бы сосредоточить наши усилия на сдерживании гонки вооружений. Однако тот же самый реализм должен привести к пониманию того, что рано или поздно, учитывая постоянное совершенствование вооружений, которые становятся все более разрушительными, и все более усиливающееся недоверие, гонка вооружений неизбежно станет неконтролируемым процессом. Именно здесь реализм вынуждает согласиться с неприемлемой посылкой - неприемлемой, поскольку на карту поставлено выживание человечества, - согласно которой война, и даже ядерная война, является биологической необходимостью. В любом случае это противоречит содержащемуся в совместном заявлении, опубликованном по завершении встречи на высшем уровне между Рейганом и Горбачевым, утверждению о том, что "ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей".

При таком положении дел на повестке дня неизбежно стоит один вопрос: как преодолеть стоящие на пути разоружения препятствия, которые до сих пор не удалось преодолеть? Делегация Алжира считает, что начало пути, ведущего к решению этой проблемы, положено в торжественном заявлении двух крупнейших держав об отказе от военного превосходства. Именно стремление к военному превосходству или боязнь такого превосходства лежит в основе гонки вооружений. Это справедливо как в отношении наиболее крупных держав, так и для небольших стран. Возникает недоверие, усугубляемое тем, что безопасность должна оцениваться с военной точки зрения на все более высоких уровнях и остается по-прежнему шаткой.

Отказ от военного превосходства порождает надежды, поскольку это означает, что безопасность больше не ставится в зависимость лишь от военных обстоятельств и что вооружение не является ни единственным, ни даже лучшим средством ее обеспечения. Это позволяет поставить проблемы разоружения в их реальный контекст, каковым является весь комплекс международных отношений. Такой отказ содействует осознанию того, что процесс разоружения может быть эффективным лишь при замене конфронтации диалогом, антагонизмов - сотрудничеством, отказе от политики силы, дополняемом уважением норм международного права, и в особенности при установлении намного более справедливой системы экономических отношений. Усугубление неравномерности развития все больше угрожает международному миру и безопасности. Неспособность конкретно решать эту проблему ярко иллюстрирует тот тупик, в котором мы сейчас находимся. Сожаление вызывает уже сам тот факт, что взаимосвязь между разоружением и развитием, предусмотренная в Заключительном документе, так и не стала предметом обсуждения на данной Конференции. Еще большее сожаление вызывает то обстоятельство, что пришлось отложить международную конференцию, которую было предусмотрено провести по этой теме. Если отвлечься от обстоятельств, то в конечном счете тот факт, что конференция была отложена, равно как и факт застоя в работе Конференции по разоружению, видимо, вызваны одними и теми же причинами, и, в частности, неизменным стремлением рассматривать все без различия проблемы под единственным углом зрения ограничения гонки вооружений.

(Г-н Керрум, Алжир)

Подлинная суть взаимосвязи между разоружением и развитием заключается в том, что на первом этапе оздоровление международной обстановки позволит всем странам, и особенно наиболее бедным из них, направить большую часть своих ресурсов на собственное развитие. Это было бы уже огромным шагом вперед и, во всяком случае, отвечало бы принципу преимущественной опоры на собственные силы. На втором этапе, когда недоверие уменьшится и, вероятно, исчезнет вообще, и установятся отношения диалога и сотрудничества, перестройка международной экономической системы на основе принципов справедливости и равенства, отнюдь не порождая неразрешимых проблем, станет общим стремлением и сделает усилия в области развития подлинно плодотворными. Именно тогда появится возможность подумать о реализации третьего этапа, в контексте которого можно было бы создать фонд разоружения для развития, который стал бы, впрочем, не столько решающим средством достижения целей развития, сколько средством конкретизации важнейшего принципа международной солидарности.

Разоружение является слишком благородным, слишком важным для будущего человечества делом, чтобы можно было позволить себе придаваться отчаянию. Я укрепился в этом мнении, проработав в течение года бок о бок с людьми, в высшей степени преданными этому делу. В феврале 1987 года меня уже не будет среди вас. Поэтому я хотел бы воспользоваться предоставленной мне сегодня возможностью и выразить свою благодарность и признательность за всемерное содействие и неизменную готовность помочь, которую проявляли все представители, а также Генеральный секретарь Конференции и секретариат. Я в полной мере сознаю, что не смог бы выполнить возложенную на меня задачу без содействия, а иногда даже снисходительного понимания с их стороны.

Любой отъезд всегда заставляет испытывать целую гамму чувств: о чем-то сожалешь, в чем-то находишь утешение, что-то доставляет удовлетворение. Сожаление я испытываю, когда думаю о том, что мне больше не придется участвовать в вашей работе и я не буду иметь возможности содействовать развитию отношений, которые мне довелось установить с представителями на этой Конференции.

Однако меня утешает мысль о том, что, во всяком случае, я не имел бы удовольствия вновь увидеться с некоторыми представителями, которые также вскоре уезжают. Я имею в виду, в частности, представителя Франции посла Жеселля, компетентность и опыт которого вызывают глубокое уважение, и представителя Федеративной Республики Германии посла Вегенера, вклад которого в работу Конференции общепризнан, и который, как я убедился, был постоянно готов принять участие в обсуждении любого вопроса, всегда бывшем для меня полезным. Наконец, я должен упомянуть представителя Индии посла Гонсалвеса, обладающего замечательно острым чувством политического реализма и столь блестяще сумевшего изложить и защитить позиции своей страны, снискав себе, кроме того, славу горячего борника концепций, выдвигаемых неприсоединившимися странами.

Утешает и заставляет испытывать чувство гордости то, что с 1 сентября 1986 года я буду иметь честь представлять свою страну в Югославии. Всем известно, что между Югославией и Алжиром существуют исключительно тесные связи, а югославский и алжирский народы связывают узы крепкой дружбы. Они обусловлены сходством жертв, принесенных нашими странами во имя свободы и

(Г-н Керрум, Алжир)

еще больше окрепли за годы совместной борьбы в рамках движения неприсоединения. Свое выражение они получают в постоянно развивающемся сотрудничестве, которое можно назвать образцом отношений между странами, опирающимися на собственные силы. Кроме того, я буду иметь огромное удовольствие рано или поздно вновь встретиться с послом Видасом, так что зародившиеся здесь между нами дружеские отношения не прервутся. Не менее приятно мне будет время от времени встречаться с послом Коматиной, пусть даже в течение тех коротких периодов отдыха, когда он сможет получить отпуск в ходе выполнения своих ответственных обязанностей. Это, несомненно, позволит мне поддерживать с Конференцией по разоружению особую связь.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Алжира за его выступление и за теплые слова в адрес Президента, а также за проникновенные слова, которыми он завершил свое выступление.

Всем нам будет не хватать посла Керрума, чей богатый опыт и дипломатические способности, сочетающиеся со стремлением к конструктивным, позитивным и совместным действиям, были бесценным вкладом в работу Конференции. Хотя он работал с нами в течение недолгого времени, я уверен, что все мы будем чувствовать это. Его умение глубоко изложить тему, в том числе его сегодняшнее выступление, свидетельствуют о большой скромности, но очевидной искренности сделанных вступительных замечаний. Он достойно представлял свою страну на Конференции, и я убежден, что он будет плодотворно работать на вверенном ему новом важном посту. Позвольте мне от имени всех присутствующих пожелать послу и г-же Керрум всего самого лучшего.

Сейчас я предоставляю слово представителю Польши послу Турбански.

Г-н ТУРБАНСКИЙ (Польша) (перевод с английского): Г-н Президент, перед тем как перейти к основной теме моего сегодняшнего выступления, я хотел бы выразить искреннее одобрение в связи с последним чрезвычайно важным решением Советского Союза продлить до конца этого года односторонний мораторий на проведение всех ядерных испытаний.

Этот мужественный шаг Советского Союза является новым свидетельством его решимости положить конец гонке ядерных вооружений, его еще одним вкладом в Год мира Организации Объединенных Наций о котором столь часто говорили в этом зале.

Объявляя об этом решении, Генеральный секретарь М.Горбачев заявил: "Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы будучи действием, а не только предложением, на деле доказывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике - политике реализма, мира и сотрудничества".

Такой новой политики реализма, мира и сотрудничества народы мира ждут также и от Соединенных Штатов. К сожалению, этого пока не наблюдается.

(Г-н Турбански, Польша)

Сегодня я намерен высказать ряд замечаний в отношении некоторых аспектов пункта 4 повестки дня, т.е. химического оружия. Польша придает огромное значение переговорам по запрещению химического оружия. Являясь координатором по этому пункту в Группе социалистических стран, делегация Польши делает все возможное в целях содействия работе Конференции в этой области.

Конференция по разоружению постепенно приближается к своей цели - выработке проекта договора о запрещении химического оружия. В течение нескольких лет была проделана огромная работа, однако конвенция в целом пока не родилась. Давайте же надеяться на то, что процесс ее рождения будет быстрым и успешным. Я полагаю, что для такой надежды есть все основания.

Я участвую в переговорах по химическому оружию четвертый год подряд и считаю, что мы вступаем в новый этап, который, будем надеяться, станет последним.

Общая атмосфера на переговорах улучшилась, позиции делегаций, хотя и остаются жесткими, являются деловыми и в целом отмечаются стремлением к сотрудничеству и компромиссу.

В настоящее время ведутся самые разнообразные переговоры - в Специальном комитете, в рабочих группах, в рамках различных многосторонних и двусторонних консультаций. Полезным вкладом в работу Комитета, который мы со всей искренностью одобряем, стали двусторонние советско-американские консультации. Согласно широко распространенному мнению, их результаты одновременно учитывались в работе соответствующих рабочих групп.

В ходе проходивших в этом году переговоров работа Конференции получила новые стимулы, и на них было высказано немало интересных, ценных мыслей и предложений.

Предложение, выдвинутое Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым в заявлении от 15 января 1986 года об освобождении Земли от оружия массового уничтожения, в том числе и от химического оружия, до конца нынешнего столетия открыло путь к более плодотворной и быстрой работе в Специальном комитете. Идеи, вытекающие из этого предложения, затем получили дальнейшее развитие и конкретизацию на этой Конференции. Я имею в виду предложения Советского Союза от 22 апреля 1986 года. Они создали новые возможности для решения кардинальной проблемы ликвидации промышленной базы производства химического оружия и тем самым способствовали ускорению прогресса в Группе В.

Моя делегация также считает, что Семинар, проведенный в июне этого года в Нидерландах, в свою очередь сослужил добрую службу. Он способствовал лучшему пониманию проблем, связанных с осуществлением проверки химической промышленности в плане непроизводства, а также яснее показал, что реальные возможности такой проверки вовсе не являются неограниченными, что они должны иметь определенные пределы, которые требуют дальнейшего изучения. В то же время представляется, что это практическое мероприятие отразило ту важную роль, которую может и должна

(Г-н Турбански, Польша)

играть в этом отношении проверка на национальном уровне. Позвольте мне, г-н Президент, выразить через Вас признательность правительству и делегации Нидерландов за их полезную инициативу, гостеприимство и превосходную организацию этого Семинара.

Много интересных, дающих пищу для размышлений рабочих документов и документов зала заседаний были рассмотрены в Комитете и в рабочих группах, особенно документов по различным аспектам проверки соблюдения будущей конвенции.

Однако при всей значительной работе по запрещению химического оружия она пока не привела к таким же значительным результатам. Вместе с тем я должен признать, что всегда имеются определенные промежуточные результаты, уровень которых еще недостаточно высок для того, чтобы выражать их в согласованном письменном виде. Более важное значение имеет тот факт, что отмечается более творческое мышление при поиске новых взаимоприемлемых подходов. Иногда, прежде чем перейти к деталям, лучше начать с общего определения, однако в других случаях прежде, чем перейти к общим понятиям, целесообразнее, видимо, начать с деталей.

Вот почему любая попытка оценить или измерить прогресс, достигнутый в ходе сессии этого года, окажется чрезвычайно сложным делом, а результаты такой оценки, по всей видимости, будут весьма неточными.

Однако, я полагаю, что сейчас, в конце сессии 1986 года, едва ли кто будет отрицать, что достигнутые результаты, хотя, может быть, и не оправдывают определенные ожидания, отнюдь не разочаровывают. Мы продвинулись вперед в деле разработки конвенции по химическому оружию. Предварительная структура конвенции постепенно наполняется реальным содержанием и становится все более и более конкретной. Однако нам следует быть особо осторожными, чтобы не перегрузить ее слишком большим количеством деталей.

Вопрос о производстве является одним из ключевых вопросов будущей конвенции, который с самого начала может оказать непосредственное влияние на химическую промышленность всех государств-участников этой конвенции, хотя в силу различия структур и уровней развития химической промышленности степень такого влияния может быть неодинаковой.

Если взглянуть на проблемы, рассматриваемые в Группе А, становится ясно, что материал, разработанный Группой, закрепил и развил результаты работы прошлого года, особенно комплексный подход к составлению списков соответствующих химикатов. Была получена более четкая картина тех проблем, с которыми мы сталкиваемся в этой области. Вместе с тем ясно и то, что статья VI /Виды деятельности, не запрещаемые конвенцией/ и соответствующие приложения, особенно приложение I /Сверхтоксичные смертоносные химикаты и [особо опасные ключевые прекурсоры] [ключевые компоненты систем химического оружия]/, все еще требуют дальнейшей разработки до того, как по ним можно будет достичь взаимного согласия и перейти

(Г-н Турбански, Польша)

непосредственно к составлению проектов. Необходимо, чтобы правительства стран провели дальнейшее изучение этого вопроса. Что касается моей делегации, то это будет сделано во время перерыва в работе Комитета. Я убежден в том, что консультации, которые будут проведены председателем Специального комитета в межсессионный период, могли бы стать весьма полезным форумом для дальнейшего изучения этих вопросов до того, как они будут вновь официально представлены на рассмотрение Комитета.

Именно в области непроизводства все делегации должны внести наиболее активный вклад в поиски окончательных решений. Лишь на основе общих усилий мы сможем достичь согласия в отношении единообразных процедур передачи статистических данных и процедур осуществления систематических международных инспекций на месте. Нам всем известно, и все мы согласны с тем, что такая система контроля не должна наносить ущерб нормальной деятельности химической промышленности, но, по-видимому, мы все понимаем это по-разному. Заявления некоторых делегаций в Специальном комитете дают основания предположить о их нежелании поставить соответствующие предприятия химической промышленности под необходимый контроль.

Если более внимательно изучить проблемы, рассматриваемые в Группе А, то представляется, что на этом этапе переговоров особое внимание следует уделить следующим вопросам: охват данных о производстве, распределении и применении соответствующих химикатов, которые должны представляться Консультативным комитетам. По нашему мнению, такая форма проверки непроизводства химического оружия является наиболее простой, доступной и дешевой.

Мы считаем, что важной и срочной задачей должно быть достижение согласия по перечню ключевых прекурсоров, содержащихся в приложении II к статье VI. Эту проблему будет трудно решить, поскольку, как представляется, существуют противоположные подходы, предусматривающие либо расширение, либо сужение этого перечня. Как и обычно, необходимо найти взаимоприемлемое решение.

Необходимо разработать соответствующий режим для ключевых прекурсоров. Еще не совсем ясно, по меньшей мере для моей делегации, должен ли такой режим быть единым для всех указанных в перечне химикатов или же он должен быть дифференцированным. Разработка предварительной схемы такого режима могла бы способствовать достижению окончательного согласия по всему перечню. Было бы также весьма полезным установить для каждого ключевого прекурсора уровень, имеющий военное значение.

Необходимо провести еще более глубокий анализ проблемы сверхтоксичных смертоносных химикатов, которые в настоящее время не используются для производства химического оружия, но применение которых для этой цели в будущем нельзя полностью исключать сегодня. Как известно, одни из сверхтоксичных смертоносных химикатов производятся в настоящее время фармацевтической промышленностью, другие же производятся в небольших количествах в исследовательских лабораториях.

(Г-н Турбански, Польша)

Я полагаю, что необходимо получить более четкую картину по этому вопросу, чтобы всесторонне решить в конвенции проблему сверхтоксичных смертоносных химикатов.

Больше внимания следует также уделять многонациональным корпорациям, поскольку их деятельность порождает некоторые дополнительные конкретные вопросы в контексте проверки непроизводства химического оружия.

В Группе В наметился многообещающий сдвиг в такой сложной и требующей особого отношения области, как ликвидация химического оружия и объектов по его производству.

Я думаю, что все согласятся с тем, что было достигнуто дальнейшее сближение позиций в отношении содержания соответствующих объявлений, а также процесса ликвидации и адекватного контроля. Следует отметить, что формулировки статей IV - Меры в отношении химического оружия и V - Меры в отношении объектов по производству химического оружия вместе с соответствующими приложениями, хотя некоторые их части все еще и изобилуют скобками и сносками, дают более четкую по сравнению с прошлым годом картину этой трудной части конвенции.

Достигнутые в Группе В результаты, особенно в отношении объектов по производству, могут оказаться весьма полезными для разработки все еще не согласованного определения объекта по производству.

Все больше и больше начинают вырисовываться рамки всеобъемлющего проекта обязательных положений, охватывающих весь процесс, от объявлений до окончательной ликвидации запасов химического оружия и объектов по его производству. Именно поэтому мы отмечаем явные признаки прогресса в нынешнем тексте этих статей. Несомненно, мы продвинулись вперед в нашей работе по этим вопросам, и необходимо не снижать набранные темпы.

Одной из важных нерешенных проблем по-прежнему остается вопрос о проведении инспекций по запросу. Наметилось некоторое концептуальное сближение позиций, которого в настоящее время, однако, недостаточно для выработки взаимоприемлемого решения. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что, по-видимому, уже создалось единодушное мнение о том, что инспекция по запросу должна проводиться в исключительных случаях, а не становиться повседневной практикой. Вместе с тем еще не совсем понятно, что реально понимается под такими исключительными случаями. Необходимость применения инспекции по запросу, видимо, в значительной степени зависит от эффективности всей системы проверки, в том числе и от эффективности систематической инспекции на месте. Чем надежнее будет обычная система проверки, тем меньше будет вероятность того, что потребуются проведение инспекции по запросу. Короче говоря, я думаю, что, имея четкое и точное представление о всей системе обычной проверки, можно было бы построить окончательную концепцию инспекции по запросу.

(Г-н Турбански, Польша)

Разрешите мне также, г-н Президент, коротко остановиться на некоторых организационных вопросах нашей будущей работы. Методы работы должны всегда соответствовать уровню достигнутого прогресса. Те методы, которые отвечают потребностям сегодняшнего дня, необязательно будут столь же эффективными завтра. У меня пока нет какого-либо конкретного предложения по этому вопросу, но хотел бы высказать мнение о том, что нам следует обдумать, как наилучшим образом организовать нашу будущую работу, которая, как хотелось бы нам всем верить, станет окончательным этапом выработки предварительного проекта конвенции по химическому оружию.

С одной стороны, отмечается растущая необходимость комплексного изучения всего материала в целях не только дальнейшей разработки предварительного проекта, но и по мере необходимости перераспределения этого материала.

С другой стороны, все еще стоит немало узких, порой незначительных, хотя и важных, проблем, которые перед тем, как вынести их на рассмотрение рабочих групп или Комитета, первоначально можно было бы изучить в небольших группах.

Одним из наших активов, все еще используемых не в полной мере, является время. Моя делегация придерживается того мнения, что не следует делать слишком большие перерывы в нашей работе. Именно поэтому мы с одобрением восприняли решение Комитета о проведении в январе традиционной продленной сессии, а также о консультациях председателя в рамках подготовки к этой возобновленной сессии. Вместе с тем я хотел бы отметить, что делегации социалистических стран намерены более плодотворно использовать перерыв в нашей работе. К сожалению, это стремление не было разделено некоторыми делегациями, которые столь часто выступают за необходимость непрерывного проведения переговоров по конвенции.

В заключение я хотел бы поздравить и поблагодарить председателя Специального комитета посла Я. Кромарти за его умелое руководство работой Комитета. Его пребывание на посту председателя продлится еще в течение некоторого времени, и я уверен, что он будет руководить работой Комитета также плодотворно. Разрешите мне также дать высокую оценку вкладу, внесенному коллегами посла Кромарти — председателями трех рабочих групп: гг. Роувом, Попчевым и Висноморти, благодаря усилиям которых мы приблизились к нашей общей цели — достижению договора о запрещении химического оружия.

Перед тем, как закончить свое выступление, я хотел сказать, что буду рад вновь видеть среди участников Конференции моего уважаемого соседа за столом переговоров посла Перу Морелли Пандо. Я с удовольствием возобновлю наше сотрудничество. Я хотел бы также воспользоваться этой возможностью для того, чтобы выразить признательность за участие в сотрудничестве и пожелать всего наилучшего в будущей работе нашим коллегам, послу ФРГ Вегенеру, послу Алжира Керруму и послу Франции Жесселю, которые в скором времени покинут Женеву, а также послу Имай, который сообщил нам сегодня, что он также собирается покинуть Конференцию. Я уверен, что их вклад в работу Конференции запомнится надолго.

Г-н ФАНЬ ГОСЯН (Китай) (перевод с английского): Г-н Президент, поскольку сессия 1986 года Конференции по разоружению близится к завершению, делегация Китая хотела бы высказать ряд замечаний в связи с работой текущей сессии и прогнозом на будущий год.

Текущая сессия проходила на фоне некоторого ослабления напряженности в международной обстановке. В начале этой сессии многие делегации выражали надежды на достижение на ней прогресса. Благодаря совместным усилиям всех делегаций на этой сессии был достигнут некоторый прогресс в течение последних шести месяцев или около того, однако ее итоги далеки от ожидавшихся.

На этой сессии, как и на предыдущих, вновь не удалось учредить специальные комитеты по приоритетным пунктам повестки дня, относящимся к ядерной сфере. Годами люди планеты горячо надеются на то, что Конференция по разоружению сможет провести обсуждение этих пунктов по существу и добиться практических и эффективных результатов. Поэтому вызывает разочарование тот факт, что из года в год Конференция по разоружению движется по инерции. Однако этот год отличается от предыдущих тем, что под руководством Президента Конференции посла Бразилии Соуза э Сильвы в апреле был проведен ряд неофициальных заседаний по пункту 2 "Прекращение гонки ядерных вооружений и ядерное разоружение", а также обсуждение существа таких вопросов, как этапы ядерного разоружения и меры в этой области. Делегация Китая приняла активное участие в этом обсуждении. С нашей точки зрения, учитывая значительные расхождения сторон во взглядах на различные аспекты этого вопроса, такой неофициальный обмен мнениями способствует более глубокому пониманию позиции друг друга, сглаживанию разногласий и выявлению новых точек соприкосновения. Однако, поскольку неофициальные обсуждения являются лишь временной мерой, принимаемой до учреждения специального комитета, они не могут заменить переговоров по существу вопроса. Мы разделяем точку зрения многих делегаций о том, что Конференция по разоружению, являясь единственным многосторонним форумом для ведения переговоров, должна играть надлежащую роль в достижении ядерного разоружения — проблемы, в решении которой заинтересованы все страны, — а не стоять в стороне и ждать результатов переговоров, ведущихся между двумя основными военными державами. Многосторонние и двусторонние переговоры, которые вовсе не исключают друг друга, носят взаимодополняющий характер и оказывают положительное воздействие друг на друга. Мы надеемся, что в следующем году Конференция по разоружению достигнет на как можно более раннем этапе согласия в связи с созданием специальных комитетов по таким вопросам, как запрещение ядерных испытаний, ядерное разоружение и предотвращение ядерной войны.

Здесь я хотел бы также отметить принятие Доклада о техническом эксперименте Группы сейсмических экспертов в 1984 году и содержащиеся в нем предложения об обмене данными в будущем. Мы удовлетворены этим позитивным результатом.

(Г-н Фань Госян, Китай)

Хотя Специальный комитет по космическому пространству в этом году был вновь учрежден относительно поздно, это тем не менее является одним из позитивных итогов текущей сессии. Под умелым руководством посла Монголии Баярта этот Специальный комитет провел всестороннее и глубокое обсуждение вопросов, относящихся к предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. Делегации продолжили изучение действующих международно-правовых документов, относящихся к космическому пространству, провели предварительное обсуждение определения космического оружия и выдвинули различные предложения и программы, касающиеся предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

Это обсуждение показывает, что, несмотря на некоторое позитивное значение действующих международно-правовых документов, все они имеют определенные пределы и, таким образом, не обеспечивают предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Поэтому необходимо заключить новые международно-правовые соглашения. Все большее число делегаций выражает согласие с тем, что на данном этапе Конференции по разоружению следует перейти к переговорам с особым упором на запрещение всех космических вооружений. Многие делегации предлагали начать с запрещения противоспутникового оружия. Это предложение, по нашему мнению, заслуживает внимания. Поскольку важность и неотложность предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве уже получили широкое признание, мы придерживаемся того мнения, что в самом начале следующей сессии Конференции по разоружению следует вновь учредить Специальный комитет по космическому пространству, с тем чтобы он как можно скорее приступил к рассмотрению вопросов существа.

Разработка Всеобъемлющей программы разоружения отражает большое стремление народов всех стран мира к обузданию гонки вооружений и содействию делу разоружения. В этом году под умелым руководством посла Гарсиа Роблеса Специальный комитет по Всеобъемлющей программе разоружения проделал большую и тщательную работу, и при этом ему удалось преодолеть многочисленные трудности. Шесть контактных групп в той или иной степени добились прогресса, о чем свидетельствует сближение позиций различных сторон. Вместе с тем мы не можем не отметить тот факт, что мы еще далеки от выработки программы, приемлемой для всех сторон.

Делегация Китая всегда придавала большое значение выработке Всеобъемлющей программы разоружения. Применяя конструктивный подход, мы участвовали в обсуждениях и консультациях и в целях содействия достижению прогресса в нашей работе пошли на некоторые необходимые уступки. В настоящее время все еще расходятся взгляды на такие аспекты, как разбивка на этапы и определение сроков, относящихся к введению и той части Всеобъемлющей программы разоружения, которая касается механизма и процедур. С нашей точки зрения, в целях содействия осуществлению мер в области разоружения во Всеобъемлющей программе разоружения, безусловно, должны предусматриваться этапы и ориентировочные сроки для каждого этапа. Мы надеемся, что договоренность по этому вопросу может быть достигнута в скором времени.

(Г-н Фань Госян, Китай)

Вопрос о запрещении химического оружия всегда был связан с большими надеждами на достижение прогресса в рамках Конференции. В этом году на переговорах по соответствующей конвенции проявились более позитивные, чем в прошлом, тенденции. Конструктивные и деловые обсуждения и консультации, проведенные делегациями, способствовали достижению прогресса по некоторым вопросам. Так, например, в отношении перечня С, включающего наиболее широко используемые в гражданских целях химикаты, которые в то же время могут использоваться для производства химического оружия, был по существу достигнут консенсус по большинству подлежащих включению в этот перечень химикатов и их соответствующим режимам. Было проведено предварительное обсуждение содержания перечня А, включающего химикаты, предназначенные для производства ключевых прекурсоров боевых химических веществ, которые в то же время могут использоваться в мирных целях, и при этом была достигнута значительная степень согласия в отношении рамок и сферы охвата системы сообщения данных. Была широко признана необходимость принятия мер без предупреждения или непредсказуемости при проведении обычных инспекций на соответствующих объектах по производству. Отмечен также некоторый прогресс в вопросе об уничтожении химического оружия и объектов по его производству. Были предприняты полезные попытки сблизить позиции в связи с проведением инспекции по запросу, которая в течение длительного времени была предметом глубоких разногласий. В этой связи заслуживают нашего внимания рабочие документы, представленные Пакистаном, Соединенным Королевством и Японией.

Эти успехи неотделимы от усилий Председателя Специального комитета посла Кромарти и председателей трех рабочих групп, чья преданность делу и усердие способствовали достижению прогресса на переговорах. Здесь я хотел бы также упомянуть полезную роль семинара по вопросам проверки, проведенного в начале июня правительством Нидерландов, в содействии ведению переговоров в этой области.

Отдавая должное этим успехам, нам не следует упускать из виду тот факт, что из-за разногласий по вопросам проверки, в частности в отношении инспекции по запросу, и по некоторым другим вопросам, которые еще не решены, на переговорах по конвенции о запрещении химического оружия еще необходимо проделать значительную работу. Мы с одобрением восприняли выраженную двумя обладающими наибольшими арсеналами химического оружия государствами готовность ускорить переговоры по химическому оружию и надеемся, что они подтвердят свои намерения делом.

В течение многих лет не обладающие ядерным оружием государства прилагают неустанные усилия, направленные против ядерной угрозы и на обеспечение безопасности. Китай всегда придерживался того мнения, что наиболее эффективным способом обеспечения безопасности не обладающих ядерным оружием государства является полное запрещение и уничтожение ядерного оружия. В целях уменьшения ядерной угрозы для не обладающих ядерным оружием государств все обладающие ядерным оружием государства должны до завершения процесса ядерного разоружения взять на себя обязательство, предусматривающее отказ от применения или угрозы применения ядерного оружия против

(Г-н Фань Госян, Китай)

не обладающих ядерным оружием государств и зон, свободных от ядерного оружия. Китай неоднократно заявлял о том, что он берет на себя такое обязательство без каких бы то ни было условий. Мы выступаем также в поддержку заключения международной конвенции, которая обеспечивала бы гарантии для не обладающих ядерным оружием государств от применения или угрозы применения ядерного оружия. Однако вызывает сожаление тот факт, что наша Конференция не продвинулась вперед в решении вопроса о гарантиях безопасности. Мы по-прежнему будем поддерживать все усилия, способствующие выходу из нынешнего тупика.

Что касается вопроса о расширении членского состава Конференции по разоружению, то все президенты, руководившие работой Конференции в ходе текущей сессии, проводили весьма ответственные и настойчивые консультации с различными сторонами. Поскольку количество подавших заявки государств более чем вдвое превышает число стран, которые могут быть приняты, вполне естественно, что возросли и связанные с отбором трудности. Мы надеемся, что будет найдено приемлемое для всех решение, с тем чтобы миролюбивые страны, действительно содействующие делу разоружения, могли быть в скором времени приняты в члены Конференции. С этой целью мы предложили изыскивать пути для частичного решения в тех случаях, когда невозможно сразу найти комплексное решение данной проблемы, и решить оставшиеся проблемы тогда, когда созреют соответствующие условия. Делегация Китая будет по-прежнему проводить консультации с другими делегациями с целью изыскания путей для решения этого вопроса.

Не так давно состоялась весьма важная встреча лидеров Мексики, Аргентины, Греции, Швеции, Индии и Танзании, в результате которой был опубликован текст "Мексиканской декларации", призывающей Соединенные Штаты и Советский Союз немедленно прекратить ядерные испытания, а руководителей этих двух стран — продолжить переговоры по таким вопросам, как сокращение ядерных вооружений. В этой Декларации был также выражен протест против разработки двумя сверхдержавами противоспутникового оружия и их гонки вооружений в космическом пространстве. Это справедливое требование соответствует целям мира и разоружения.

Прекращение гонки вооружений и поддержание международного мира отвечает общим чаяниям и настоятельным призывам народов мира и всех миролюбивых стран. Борьба сверхдержав за достижение различными способами военного превосходства и их интенсивная конфронтация приводят к обострению международной обстановки и порождают ширящееся во всем мире недовольство и противодействие. Урегулирование разногласий и споров посредством диалога стало важной тенденцией в современном мире, что одобряется и пользуется вниманием международного сообщества. Мы искренне надеемся, что в такой важный момент Конференция по разоружению перейдет от рассмотрения предложений к достижению реальных результатов.

В скором времени Конференцию по разоружению покинут Его Превосходительство посол Федеративной Республики Германии д-р Хеннинг Вегенер, Его Превосходительство посол Индии Альфред Сильвестер Гонсалвес, Его Превосходительство посол Алжира Нурдин Керрум и Его Превосходительство посол Франции Жак Жессель. Только что мы узнали, что посол Японии Имаи также скоро нас покинет. Хотя продолжительность

(Г-н Фань Госян, Китай)

их участия в работе Конференции по разоружению неодинакова, их опыт, знания и ценный вклад в нашу работу заслуживают нашего общего одобрения. Позвольте мне пожелать им дальнейших и еще больших успехов в будущем.

Господин Президент, в заключение я хотел бы пожелать Вам всяческих успехов в исполнении Ваших трудных обязанностей на последнем этапе нынешней сессии. Все мы высоко ценим Ваш талант и приверженность делу, которые Вы продемонстрировали при выполнении своих функций. Я хотел бы также высказать слова благодарности в адрес Президента Конференции в прошлом месяце посла Бирмы У Тин Туна за проделанный им огромный объем работы. Я хотел бы также воспользоваться этой возможностью с тем, чтобы выразить признательность послу Коматине, послу Берасатеги и сотрудникам секретариата за их неутомимые усилия и помощь делегации Китая.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Китая за его выступление и добрые слова в адрес Президента. Предоставляю слово представителю Австралии.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): У меня не было намерения выступать в этот раз. Но я обязан сделать это, поскольку на нашем предыдущем заседании моей делегации был задан вопрос. И по причинам более общего характера я должен воспользоваться правом на ответ в связи с выступлением в прошлый вторник посла Германской Демократической Республики.

Г-н Президент, в парламенте Австралии – политическая система Австралии является парламентской демократией – существует установившийся обычай, в соответствии с которым любой член парламента может обратиться к председательствующему лицу и просить разрешения выступить с разъяснением личного характера. Это происходит следующим образом: председательствующее лицо спрашивает у этого члена парламента, утверждает ли он, что его выставили в неверном свете. И если этот член парламента утверждает, что это так, то ему автоматически предоставляется право выступить с разъяснением.

На этой Конференции применяется несколько иная процедура, и сейчас я хочу пояснить, что моя делегация, безусловно, утверждает, что она по крайней мере была представлена неверным образом в выступлении посла Германской Демократической Республики.

Но я хочу также отметить, что то, что я скажу сейчас, никоим образом не будет носить характер разъяснения. Я говорю об этом в связи с тем, что, как известно любому мыслящему человеку, не требует доказательства тот факт, что в случае неправильного представления разъяснения вовсе не требуется. В этом случае требуется попросту исправление.

(Г-н Батлер, Австралия)

В своем выступлении посол Германской Демократической Республики утверждал, что "тем не менее некоторым делегациям весьма трудно объяснить, почему они не поддерживают мандат на ведение переговоров, который открыл бы прямую дорогу к заключению такого договора", т.е. договора о всеобъемлющем запрещении испытаний. Моя делегация сталкивается с такими трудностями. Мы неоднократно отмечали, что наша политика и цель заключаются в том, чтобы выбрать "прямой путь" к заключению договора о запрещении ядерных испытаний. Именно поэтому мы высказались в поддержку и продолжаем поддерживать мандат, предложенный в документе CD/521.

И если этот прямой путь был затруднен, если на этом пути было воздвигнуто существенное препятствие, то это было сделано теми, кто настаивал, как, например, посол Германской Демократической Республики и группа государств, от имени которых он иногда выступает, на том, что ничего нельзя сделать, что невозможно пойти этим "прямым" путем до тех пор, пока мы сначала не преклоним колена перед простым словом "переговоры". Наличие такого препятствия подтверждается лишь через несколько предложений в том же самом последнем выступлении посла Германской Демократической Республики, когда он говорит о необходимости того, чтобы мы приступили к "практической" работе.

Но какая же еще работа будет "практической", если не работа над сферой охвата и средств проверки и соблюдением договора о запрещении ядерных испытаний? Именно такая работа и будет практической, и именно проведение такой работы непосредственно предусматривалось в проекте мандата, содержащемся в документе CD/521.

Хотя посол Германской Демократической Республики не стал затрагивать этот вопрос, когда он говорил о "практической работе", он не смог избежать соблазна воздвигнуть уже набившее оскомину, никому ненужное препятствие, поставив под сомнение необходимость коллективной работы над средствами проверки соблюдения договора о запрещении испытаний. Фактически же он решил исказить то, что моя делегация и другие делегации западных стран говорили о проверке, когда он заявил, что мы хотим заниматься "главным образом" вопросом о проверке.

Г-н Президент, если это кажется запутанным, то тогда нам следует набраться терпения, поскольку это только начало.

Посол утверждал, что Германская Демократическая Республика "поддерживает действенную и надежную проверку и соблюдение запрещения испытаний", однако он обвиняет нас в каком-то обмане или даже нарушении, когда мы говорим, что хотим того же. Но он великодушен. Он предлагает решение этого вопроса, утверждая, что "вопрос о проверке в конечном счете может быть решен лишь в связи с разработкой договора".

Могу ли я задать еще один вопрос - почему? Почему он утверждает, что эти два взаимосвязанных, но достаточно далеких друг от друга вида деятельности должны увязываться самым непосредственным образом?

(Г-н Батлер, Австралия)

Разработка проекта договора — это нечто такое, что, как нам всем известно, может быть проделано если не в мгновение ока, то в лишь немногим более длительный период времени. Сам по себе этот договор будет на удивление простым документом. В конце концов он, предположительно, будет содержать лишь одно единственное обязательство, т.е. обязательство никогда не проводить ядерных испытаний. Сложность заключается в установлении сферы охвата такого договора и создании средств проверки и соблюдения этого простого обязательства, которое будет предусмотрено в договоре.

Таким образом, ставя трудную часть работы в полную зависимость от ее совсем легкой части, посол Германской Демократической Республики единолично может помешать начать работу по решению единственных серьезных проблем, которые необходимо урегулировать для того, чтобы положить конец ядерным испытаниям. И он просит нас верить в то, что эта политика проводится по причине некой святости такого совершенно отвлеченного понятия, как переговоры. Хуже того, он утверждает, что тех, кто ставит под сомнение логичность и искренность его позиции, следует обвинить в некоем проявлении вероломства.

Моя делегация предложила Конференции безотлагательно приступить к созданию глобальной сейсмической сети. Австралия поступила таким образом, понимая, что такая сеть будет необходима как часть средств проверки соблюдения договора о запрещении ядерных испытаний. Мы внесли это предложение именно сейчас, поскольку знаем, что если договор будет написан на листке бумаги, как это, видимо, предпочитает Германская Демократическая Республика, то он так и останется листком бумаги, если и пока устанавливаемые в нем обязательства не будут поддаваться проверке. Мы внесли это предложение отчасти и потому, что работа Группы научных экспертов подошла к такому рубежу и продвинется еще далее, когда создание такой глобальной сети станет практической и осуществимой задачей. Однако посол Германской Демократической Республики заявил, что это предложение неприемлемо.

Тогда я задам еще один вопрос: почему же оно неприемлемо, особенно учитывая тот факт, что, как он утверждает, его правительство и те правительства, от имени которых ему иногда поручают выступать, стремятся к созданию средств проверки этого договора? Почему же тогда это предложение неприемлемо для его правительства? Какие доводы он может привести?

Наилучший ответ, который он смог пока дать, был в форме обращенного к моей делегации вопроса о том, будем ли мы готовы рассмотреть вопрос о том, чтобы "несколько изменить" наше предложение в том смысле, чтобы оно предусматривало создание глобальной сети сейсмического контроля "в рамках взаимного советско-американского моратория на ядерные испытания".

Вот теперь-то все стало на свои места. Делегация, которая утверждает, что заинтересована в любых средствах проверки, на деле вовсе не заинтересована в создании таких средств. Очевидно, что она заинтересована лишь в том, чтобы использовать предложение о создании такой сети в качестве некой разменной карты, средства установления двустороннего моратория на проведение ядерных испытаний.

(Г-н Батлер, Австралия)

Таким образом, создание крайне важных средств проверки, которые имеют принципиальное значение для установления любого серьезного режима отказа от проведения ядерных испытаний, он ставит в зависимость от внешнего, постороннего соображения политического характера. Это, несомненно, заставляет серьезно усомниться в искренности позиции его правительства, а также позиции тех стран, от имени которых, как он утверждает, ему поручено выступать, в отношении принципиального вопроса проверки как таковой. Конкретнее, нигде в своем выступлении он не говорит, что глобальная сейсмическая система не нужна, не может быть создана или же не сможет функционировать. Вместо этого он предпочитает говорить о двустороннем моратории. Я считаю, что это вполне соответствует его предложению о создании в Центральной Европе зоны, свободной от химического оружия. Прошу извинить меня за это замечание, но такой упор на европейских проблемах можно сравнить разве что с его полнейшим нежеланием учитывать все интересы нашей Конференции, членами которой являются 40 стран. А как же тогда быть с другими обладающими ядерным оружием государствами? Что же делать тем из нас, чьи страны не расположены в Европе? Как быть с французскими ядерными испытаниями в районе Тихого океана? Большинство из нас, присутствующих в этом зале, стремится к универсальному всеобъемлющему запрещению испытаний, а не к двустороннему мораторию. Интересно, что всего полчаса назад в этом зале представитель Советского Союза подтвердил, что "мораторий — это не самоцель, а важный первый шаг в направлении договора". Таким образом, Советский Союз, по-видимому, более ясно высказывается в отношении нашей реальной цели, чем это было в прошлом, и мы, несомненно, тщательно изучим представленный сегодня документ. Возможно, делегация Германской Демократической Республики теперь пожелает пересмотреть в свете этого заявления вопрос, поставленный нам в прошлый вторник.

Любой человек, серьезно относящийся к прекращению ядерных испытаний путем заключения какого-либо договора с этой целью и действием, начнет с признания того, что изложение этого договорного обязательства на листке бумаги является легким делом. Трудная часть работы состоит в создании таких средств проверки, которые обеспечили бы эффективность этого договора. Следовательно, нам следует начать с решения практических проблем проверки. Отказаться от этого — значит отказаться следовать, как сказал посол Германской Демократической Республики, "прямым путем".

Я вспоминаю, что примерно в это же время в прошлом году я выступил на этой Конференции по тому же вопросу. Интересно, что, как я припоминаю, это выступление по крайней мере отчасти было сделано в ответ на выступление представителя Германской Демократической Республики. В этом выступлении я отметил, что, хотя первой жертвой неверного толкования является сама правда, на деле же приходится расплачиваться прогрессом в отношении договора о запрещении ядерных испытаний. Получается, что по крайней мере из-за действий одной из сторон жертва в 1986 году остается прежней, и мы обязаны расплачиваться по той же цене. Я надеюсь, что этому скоро придет конец.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Австралии за его выступление. Я могу разъяснить один момент, в отношении которого я не думаю, чтобы имелись какие-либо расхождения во мнениях. Во вступительных замечаниях делегации Австралии утверждается, что практика получения права на ответ не является обычной процедурой на этой Конференции. Какими бы ни были мнения на этот счет, я считаю, что любая делегация может потребовать право на ответ, и я хотел бы отметить, что не знаю случая, чтобы при поступлении такой просьбы в ней было отказано. Думаю, что дело, возможно, заключается в интерпретации вступительных замечаний.

Предоставляю слово представителю Франции послу Жесселю, выступление которого, как я полагаю, будет не прощальным, а предпоследним.

Г-н ЖЕССЕЛЬ (Франция) (перевод с французского): Г-н Президент, как Вы только что сказали, это мое выступление не является прощальным, но, поскольку я выступаю впервые с момента Вашего избрания на пост Президента нашей Конференции, позвольте мне сердечно поздравить Вас с этим событием. Я хотел бы поздравить Вас как представителя страны, которая особенно дорога для Франции, поскольку, как Вы правильно сказали, Канада находится в привилегированном положении, коль скоро у нее две матери-родины, одна из которых – Франция; этим и объясняется теплота и постоянство наших связей.

Я хотел бы поздравить также Вас лично. Как мне кажется, мы с полным основанием можем считать, что нам повезло, поскольку именно Вам выпала большая честь руководить нашей работой в августе, который является нелегким месяцем. Обладая многими ценными качествами, такими, как спокойствие, осторожность, дар убеждения, Вы уже отчасти указали нам путь к разумному и удовлетворительному завершению нашей работы в ходе этой сессии. Однако для этого от Вас и от нас всех требуется приложить немало усилий.

Я хотел бы также поблагодарить посла У Тин Туна, который был Вашим предшественником на посту Президента и руководил нашей работой в июле, проявив при этом большое терпение и добрую волю.

Я хотел бы сказать также, обращаясь к тем, кто только что покинул нас, как, например, посол Индии Гонсалвес, и к тем, кто вскоре нас покинет, как посол Японии Имаи, что мне доставляет большое удовлетворение сознавать, что нас связывают уважительные и дружеские отношения. Я хотел бы высказать такие же пожелания и послу Алжира Керруму – нашему соседу по Средиземноморью, с которым у нас есть много общего. Я хотел бы далее сказать им всем, что, как я надеюсь, нам, чья профессиональная карьера предусматривает кочевой образ жизни, доведется встретиться вновь. Я хотел бы также высказать добрые пожелания послу Федеративной Республики Германии Вегенеру и его преемнику послу фон Штjльпнагелю. С первым из них я установил, а со вторым – начинаю устанавливать отношения, аналогичные

(Г-н Жессель, Франция)

тесным и образцовым контактам, характеризующимся сотрудничеством и дружбой и сложившимся между нашими двумя странами, не только для их общего блага, но также, как мне кажется, и для блага международного сообщества в целом, поскольку мировое сообщество может лишь приветствовать примирение между Францией и ФРГ, которое сыграло и, я думаю, будет играть значительную роль. Как вы знаете, г-н Президент, несколько позже, в конце сентября, мне также предстоит пополнить ряды отъезжающих.

Надеюсь, что у меня еще будет возможность дать оценку результатам и перспективам нынешней сессии, и мне хотелось бы посвятить свое сегодняшнее выступление нашим переговорам по химическому оружию. Прежде всего мне хотелось бы отметить, что я не согласен с теми, кто считает, что эти переговоры являются вопросом второстепенным. Напротив, речь идет о проблеме и переговорах, которым мы придаем очень большое значение, и, как нам кажется, многие за этим столом разделяют это мнение. Кроме того, наша роль как депозитария Женевского протокола 1925 года заставляет нас уделять этой проблеме особое и пристальное внимание. По этой причине мы по-прежнему осуждаем все нарушения этого протокола, где бы они ни происходили и кто бы их не совершал. По этой причине мы готовы оказать содействие всему, что может помочь ведущимся переговорам.

Поэтому мы также рады отметить, что Специальный комитет и его рабочие группы провели серьезную работу в конструктивном духе, как это явствует из доклада, принятого вчера Комитетом. Семинар по проверке, организованный в июне Нидерландами, позволил конкретно рассмотреть весь комплекс стоящих перед нами проблем и способствовал серьезному и реалистическому ведению работы в ходе летней части нашей сессии. Поэтому я с удовольствием присоединяюсь к тем, кто уже выражал здесь глубокую признательность властям Нидерландов за отличную организацию этой весьма полезной встречи.

Мы с удовлетворением восприняли принятое решение о продолжении консультаций, как и в прошлом году, в межсессионный период для продолжения работы по вопросам, которые остаются нерешенными. Франция давно вносила предложение в этой связи, мы, впрочем, считаем, что в этом вопросе можно было бы пойти еще дальше, но тем не менее удовлетворены достигнутой договоренностью.

Справедливо и то, что по целому ряду проблем необходимо еще провести большую работу для сближения расходящихся точек зрения. Так, в частности, по вопросу, являющемуся центральным на наших переговорах, а именно по вопросу о проверке соблюдения Конвенции согласия до сих пор достигнуть не удалось. Как на нашей Конференции, так и вне ее рамок все отметили новый подход Советского Союза в этой области. Однако в данных нам разъяснениях, в частности, в рамках этой Конференции, как нам представляется, до сих пор не содержалось подлинно решающих элементов, которых мы ожидали. Поэтому нам следует терпеливо продолжать поиски удовлетворительного решения этой ключевой проблемы.

(Г-н Жессель, Франция)

В апреле я уже излагал с этой трибуны точку зрения Франции по общей структуре режима проверки, который основывается в значительном большинстве случаев на международных инспекциях на месте, называемых "обычными", а также на регулярном обмене статистической информацией. К сожалению, и в этом году углубленного обсуждения этих вопросов не состоялось.

Для того чтобы быть всеобъемлющим, режим, который нам предстоит установить, должен также предусматривать исключительные случаи, когда при возникновении подозрения в несоблюдении государством - участником Конвенции своих обязательств штатных мероприятий по "обычной" инспекции оказывается недостаточно для того, чтобы такие подозрения рассеять. В этом случае должна быть предусмотрена возможность обращения к другим мерам, использования других механизмов. Для того чтобы быть эффективной, такая "сеть безопасности" должна, по нашему мнению, отвечать ряду критериев: прежде всего между подачей запроса об инспекции на месте и ее осуществлением должен проходить чрезвычайно короткий промежуток времени для того, чтобы не было времени уничтожить доказательства возможного нарушения; по этой же причине такая процедура должна быть автоматической, т.е. государство, являющееся инициатором проведения инспекции, не должно наткнуться на организационные препоны, которые, помимо создания проволочек, способны вообще заблокировать запрос; и наконец, ответ на запрос должен, как правило, иметь обязательный, а не просто добровольный характер. Только в случае, если режим международной инспекции на месте "по запросу" будет отвечать этим критериям, он, как нам представляется, будет подлинно сдерживающим.

Делегация Великобритании представила на этой Конференции в рабочем документе CD/715 проект, отвечающий указанным требованиям. Он опирается на два основополагающих элемента, которые, как нам кажется, одновременно обеспечивают эффективность предлагаемого режима и отвечают законным требованиям безопасности каждого государства.

Так, по-первых, в предложении Великобритании предусматривается, что сама процедура носит открытый характер и органы Конвенции будут полностью от начала до конца информированы о ее ходе; вместе с тем собственно ее ход будет определяться и регулироваться двумя соответствующими государствами: государством, требующим проведения инспекции, и государством, к которому такой запрос адресован. К их компетенции относится начало этой процедуры, равно как и соответствующие последствия. Таким образом, удовлетворительны или неудовлетворительны ответы государства, к которому обращен запрос, в конечном счете может решить лишь тот, у кого возникли подозрения.

Второй отличительной особенностью этого предложения является то, что в самых исключительных случаях, когда под вопросом стоит безопасность государства, предусматривается, что запрос может быть удовлетворен иными способами, нежели неограниченный доступ к предприятию, которое находится под подозрением. Однако эти меры должны быть таковыми, чтобы государство, подавшее запрос, могло убедиться в том, что на данном предприятии не осуществляется запрещенная деятельность. Поскольку государство, подавшее запрос о проведении проверки, по определению, вправе

(Г-н Жессель, Франция)

самостоятельно решать, удовлетворено ли оно объяснениями относительно деятельности, осуществляемой на предприятии, эта процедура, как нам представляется, отвечает требованиям, которые я излагал выше. Кроме того, она будет оказывать сдерживающее воздействие, поскольку ни одно государство, дорожающее своей международной репутацией, не станет брать на себя риск производства в нарушение Конвенции, коль скоро оно само заранее согласилось на то, чтобы по общему правилу международная инспекционная группа имела доступ к предприятиям, которые попадут под подозрение.

Что же касается других выдвинутых предложений, то с ними дело обстоит иначе. Те из них, в которых предусматривается, что будет разрешена инспекция лишь заранее установленных мест, как раз и приведут к появлению мест, где можно будет обходить положения Конвенции. Другие предложения, в которых предусматривается возможность попросту отказать в запрашиваемом доступе, лишь способствовали бы усугублению кризиса доверия, который привел бы к подаче запроса об инспекции; еще есть предложения, в которых сохраняется возможность воспользоваться процедурной волокитой в Комитете, который, в силу отсутствия согласия между своими членами, весьма вероятно, оказался бы неспособным принять необходимые решения, и они в конечном счете привели бы к столь же плачевным результатам, что и предыдущие.

Руководствуясь всеми вышеизложенными причинами и весьма внимательно изучив данную проблему, делегация Франции в итоге полностью поддерживает предложение Великобритании. Она искренне надеется, что это предложение получит всеобщее одобрение и тем самым будет способствовать решению одной из ключевых проблем в рамках этих переговоров.

Пользуясь случаем, мне хотелось бы также высказать слова признательности послу Великобритании г-ну Кромарти за активную деятельность на посту председателя Специального комитета и поблагодарить его за результаты, которых удалось в значительной мере достичь благодаря его умению и настойчивости, а также работе, проделанной председателями различных рабочих групп. Мы рады, что он будет по-прежнему возглавлять Комитет до февраля следующего года, и искренне надеемся, что за этот период ему удастся добиться новых успехов. Они будут тем большими, если все мы поможем ему в этом, руководствуясь твердым намерением добиться движения вперед и конкретных результатов.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Франции. Задавая вопрос о том, желает ли какая-либо другая делегация выступить, — и я вижу, что Германская Демократическая Республика просит меня об этом, — я хотел бы предложить вам перенести принятие решения по докладу Специальной группы научных экспертов на 15 час., поскольку мы рискуем не успеть завершить нашу работу до 13 часов. В связи с этим я хотел бы предложить провести сегодня днем весьма короткое пленарное заседание для принятия этого решения, а затем сразу приступить к неофициальному пленарному заседанию с тем, чтобы продолжить нашу работу по докладу. Я оставляю на усмотрение представителя Германской Демократической Республики, а также, как я вижу теперь, и Чехословакии, принятие решения о том, хотят ли они выступить сейчас или будут выступать в 15 часов.

Г-н РОЗЕ (Германская Демократическая Республика) (перевод с английского):
Дайте мне, пожалуйста, несколько минут, я буду очень краток. Если позволите, я хотел бы выступить с кратким заявлением.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Я уже говорил, что каждая делегация имеет право на ответ, и я предоставляю соответствующим делегациям возможность выбрать время для такого выступления. Однако я намеревался также предоставить вам необходимое время в 15 часов, которые вы могли бы тогда использовать с большей пользой, но вы можете выступить сейчас.

Г-н РОЗЕ (Германская Демократическая Республика) (перевод с английского): Я с возмущением выслушал заявление, только что сделанное уважаемым представителем Австралии послом Батлером. Мое первое впечатление от этого выступления состоит в том, что его продолжительность является явным признаком того, что ему было довольно трудно дать ясный ответ на весьма простой вопрос, который я задал ему в прошлый вторник в отношении предложения, содержащегося в документе CD/717. Стиль этого выступления является еще одним доказательством того, что некоторым делегациям трудно вести деловое и обстоятельное обсуждение и обмен мнениями, как только их позиция ставится под сомнение. Я должен еще изучить вопрос о том, стоит ли отвечать на остальную часть этого выступления, но в любом случае я должен немедленно отвергнуть немыслимые обвинения, высказанные в адрес моей делегации и моего правительства. Я должен также указать на невероятное искажение нашей позиции в целом и той позиции, которую я изложил в своем выступлении в прошлый вторник. Это была не просто попытка ввести в заблуждение, это было преднамеренное искажение.

Послу Батлеру следовало бы знать, что мы отнюдь не политические хамелеоны и что наша позиция в отношении запрещения ядерных испытаний состояла и состоит в том, что мы выступаем именно за надежное или поддающееся надежной проверке запрещение испытаний, и именно об этом я говорил в прошлый вторник. Что касается предложения, содержащегося в документе CD/717, я рекомендовал бы послу Батлеру поставить его на голосование, с тем чтобы мы могли увидеть, кто выступает за это предложение, а кто - против.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Германской Демократической Республики. Я не хотел бы повлиять каким-либо образом на решение представителя Чехословакии, но если он пожелает подождать, то тогда мы могли бы, возможно, возобновить наше заседание в 15 час. 00 мин.

Ко мне также обратились с просьбами о выступлении представителя Австралии и Мексики.

Я хотел бы просить всех вас согласиться перенести ваши выступления на 15 час. 00 мин. В нарушение всех правил, я бы даже сказал, на 15 час. 15 мин., поскольку мы уже и так несколько задержались. Все ли согласны со мной? Предлагаю слово представителю Чехословакии.

Г-н ВЕЙВОДА (Чехословакия) (перевод с английского): Я буду предельно краток. Я хотел бы сейчас сказать лишь то, что нельзя будет сказать во второй половине дня.

Мы всегда с интересом слушали выступления посла Батлера, и я считаю, что его красноречие и ораторское искусство, которыми мы порой восхищались, придавали живой характер нашим обсуждениям. Однако сегодня, и я должен отметить, что не только сегодня, один из аспектов его выступления вызвал наше удивление: он попытался возложить вину за отсутствие прогресса в вопросе о запрещении испытаний на тех, кого никак нельзя в этом обвинить. Я полагаю, что это не способ разорвать порочный круг, в котором мы оказались. Моя делегация полностью поддерживает усилия правительства Германской Демократической Республики в области разоружения - что хорошо известно - и полностью поддерживает также усилия и работу делегации Германской Демократической Республики на этой Конференции. Это все, что я хотел сказать.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Чехословакии, который, как и предыдущий оратор, был краток, и предоставляю слово представителю Австралии. После его выступления я выясню, кто еще желает выступить.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): В своем выступлении, которое он произнес, воспользовавшись правом на ответ, посол Германской Демократической Республики заявил, в частности, что хотел бы изучить сделанное мною заявление. Для этой цели я намеревался предоставить ему после моего выступления текст этого заявления. Но мне интересно знать, и если можно, я хотел бы задать ему вопрос через Вас, имелась ли у него уже копия текста моего заявления?

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Я полагаю, что вопрос задан представителю Германской Демократической Республики; я не буду пытаться отвечать от его имени. Предоставляю слово представителю Мексики.

Г-н ГАРСИА РОБЛЕС (Мексика) (перевод с английского): Поскольку то, что я хочу сказать, не займет много времени и поскольку мы, возможно, сможем завершить нашу работу по этому пункту в первой половине дня, я предпочел бы выступить сейчас. У меня есть лишь текст на английском языке, и поэтому я зачту его и облегчу задачу устных переводчиков, которым не надо будет работать. На 363-м заседании 19 июня 1986 года я отметил в своем выступлении:

"Если мы хотим, чтобы договор о всеобъемлющем запрещении испытаний, к которому мы стремимся, включал, среди прочих положений, все те, которые являются желательными с точки зрения адекватной проверки принимаемых обязательств - с чем всегда была согласна делегация моей страны - то, по моему мнению, в резолюции 40/80 А, уже упоминавшейся мной, предусмотрена процедура, полностью гарантирующая это. Эта резолюция не только призывает все государства - члены настоящей Конференции, и "в частности

(Г-н Гарсиа Роблес, Мексика)

три державы - депозитария Московского договора и Договора о нераспространении содействовать учреждению "специального комитета для ведения многосторонних переговоров по договору о полном прекращении испытательных ядерных взрывов", но также конкретно рекомендует Конференции "поручить такому специальному комитету создать две рабочие группы, которые будут рассматривать соответственно следующие взаимосвязанные вопросы:

- a) Рабочая группа I: структуру и сферу применения договора;
- b) Рабочая группа II: соблюдение и проверку".

Эта резолюция - одна из четырех, принятых Генеральной Ассамблеей на ее последнем ежегодном заседании по теме, о которой я сейчас говорю, и получившая наибольшее число голосов "за" (124), - была основана на проекте, авторами которого явилась группа девяти неприсоединившихся или нейтральных государств (Индонезия, Кения, Пакистан, Перу, Швеция, Шри Ланка, Эквадор, Югославия и Мексика), и, несомненно, представляет собой похвальный пример усилий по достижению компромисса, имеющих целью удовлетворить без ущерба для принципов пожелания очень небольшого числа членов Конференции, которые до сих пор делали невозможным достижение прогресса в рассмотрении данной темы.

Что касается Группы 21, чью позицию по данному вопросу поддержала Группа социалистических государств и Китай, то можно сказать, что процедура, предусмотренная в резолюции 40/80 А, означает преодоление не пятидесяти, а девяноста процентов того пути, который разделяет обе позиции."

ПРЕЗИДЕНТ: (перевод с английского): Благодарю представителя Мексики. Я хотел бы закрыть на этом заседание. Однако я еще не все сказал; в частности, я должен вынести на ваше решение доклад Специальной группы научных экспертов. Могу ли я рекомендовать послу Батлеру, чтобы он развил свой вопрос, если он сочтет это необходимым, не сейчас, а после обеда, когда мы возобновим заседание. Безусловно, я не могу настаивать на этом, если он желает выступить. Я предоставляю ему слово.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): Мне понадобится не более минуты. Только что через вас я задал послу Германской Демократической Республики весьма серьезный вопрос, на который он не пожелал ответить. Я хотел бы объяснить, почему я задал этот вопрос.

Во-первых, текст моего сегодняшнего выступления отличается от тех пятнадцати копий, которые я направил в секретариат исключительно в целях облегчения устного перевода, поскольку до выступления я внес в этот текст некоторые поправки.

Во-вторых, я обратил внимание на то, что, по всей видимости, посол Германской Демократической Республики располагал копией текста моего выступления.

(Г-н Батлер, Австралия)

Если дело обстоит так – а я был бы весьма рад убедиться в обратном, – то имело место несанкционированное предоставление текста моего выступления этому послу, и я считаю, что эта проблема не может не вызвать у всех нас самой серьезной озабоченности.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Поскольку заданный г-ном Батлером вопрос связан с некоторыми проблемами, которые являются достаточно важными и серьезными, чтобы я и Генеральный секретарь провели по ним консультации, я предлагаю рассмотреть его после перерыва на обед, и вовсе не для того, чтобы замять дело, а для того, чтобы дать возможность всем присутствующим выполнить взятые на себя обязательства, а также немного отдохнуть и с новыми силами взяться за рассмотрение стоящих перед нами проблем. Итак, я объявляю перерыв в заседании до 15 час. 15 мин.

Заседание прерывается в 13 час. 15 мин. и возобновляется в 15 час. 15 мин.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Я собираюсь начать с вопроса, который так и не был рассмотрен нами до перерыва в заседании. Как я полагаю, информация, которую я собираюсь сообщить сейчас, уже была передана послу Батлеру, и надеюсь, что мы не будем возвращаться к этому вопросу. Мне сообщили, что данный документ вовсе не является тем, за который он был принят, что это был другой документ, содержащий предыдущее очень схожее с последним выступление. Это и послужило причиной путаницы и недоразумения. Как было указано в частном порядке, т.е. неофициально, данной делегации не было предоставлено какого-либо предварительного текста. Я прошу все делегации чистосердечно признать этот факт. Я попрошу также Генерального секретаря официально сообщить об обычной практике в этой области, а также о том, какие шаги он предпринял в этом случае для обеспечения полного соблюдения обычной практики. После этого, я надеюсь, мы сможем вернуться к рассмотрению других вопросов.

Г-н КОМАТИНА (Генеральный секретарь Конференции по разоружению) (перевод с английского): Я хотел бы официально заявить следующее:

Секретариат подходит к распространению документации, как к весьма серьезному делу, которым он всегда занимается самым тщательным образом. Секретариат всячески стремится избегать любой ошибки, не говоря уже о несоблюдении установленных правил. Доказательством этого является то, что в течение нескольких лет существования Конференции такая ситуация прежде никогда не возникала. Мы с максимальной тщательностью контролируем всю документацию, находящуюся в нашем распоряжении, включая, конечно же, и копии выступлений, а также их распространение. Я хочу заверить Конференцию в том, что мы по-прежнему будем делать все возможное для обеспечения нормального функционирования всей системы обслуживания Конференции и обработки ее документации.

В связи с возникновением этой проблемы мы провели расследование и установили, что все экземпляры этого документа были у тех членов секретариата, у которых они и должны были находиться.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю Генерального секретаря за это разъяснение. Желает ли представитель Австралии высказать свои замечания? Предоставляю ему слово.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): Обеспечение сохранности документации, безусловно, является чрезвычайно важной проблемой. Стоящая перед нами на этой Конференции задача и без того достаточно трудна, чтобы она еще более усложнялась в связи с несанкционированной передачей документов делегациям или кому бы то ни было. Я поднял тот вопрос, который задал сегодня утром, поскольку, как я отмечал, у меня были все основания считать, что наш коллега из Германской Демократической Республики получил несанкционированным образом и заранее экземпляр текста моего заявления, с которым я собирался выступить.

Одной из причин того, почему я был уверен в этом, — и я хочу, чтобы это было зафиксировано — является то, что за полчаса до своего выступления...

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Я хотел бы прервать представителя Австралии.

Я выделяю время в конце дня, если делегаты пожелают остаться и выслушать это. Я хотел бы перейти к нашей работе. Я дал объяснение и просил всех вас отнестись к нему, как и искреннему заявлению. Я не сомневаюсь в том, что делегат Австралии не поднял бы такого рода вопроса, если бы у него не было, как ему представлялось, должных оснований для этого. Нет необходимости в том, чтобы он демонстрировал свои благие намерения. Мы не сомневаемся в этом, и я полагаю, что то же самое можно сказать и о других делегатах, и, безусловно, о секретариате. Я не думаю что подразумевались ненадлежащие действия со стороны секретариата. Мы заслушали объяснение, и я действительно прошу всех вас оставить этот вопрос и вернуться к нашей работе. У нас нет времени на это, но я вовсе не имею в виду критику в адрес какого-либо делегата. Я полагаю, что мы должны все перейти к нашей работе. Я прошу делегата Австралии прислушаться к просьбе Президента.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): Г-н Президент, этим утром Вы заявили, что этот вопрос будет рассмотрен и что он не будет замат; я поверил этому. Теперь я предлагаю согласиться с Вашим решением о том, что нам следует вернуться к нашей работе. К сожалению, должен отметить, что по-прежнему придерживаюсь того мнения, что Ваше намерение не предавать этот вопрос забвению так и не было выполнено.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Теперь мы переходим к нашей работе. Я попрошу заместителя Генерального секретаря обсудить данный вопрос с делегатом Австралии в том ключе, в котором он, насколько я понял, уже делал это, однако, как оказалось, имела место неполная передача информации. Но я не готов выслушивать заявления такого рода.

Как было объявлено при закрытии пленарного заседания, сейчас я выношу на рассмотрение Конференции для принятия решения рекомендации, содержащиеся в документе CD/721, озаглавленном "Доклад Конференции по разоружению о ходе работы двадцать второй сессии Специальной группы научных экспертов по рассмотрению международных совместных мер по обнаружению и идентификации сейсмических явлений". Я бы хотел напомнить делегациям, что эти рекомендации содержатся в первом предложении пункта 12, а также в пунктах 14 и 15. Если возражений нет, то я буду считать, что Конференция утверждает эти рекомендации.

Решение принимается.

В соответствии с только что принятым решением следующая сессия Специальной группы будет проведена со 2 по 13 марта 1987 года.

В настоящий момент я располагаю дополнительной информацией, причем часть ее - это плохие известия, касающиеся нашего расписания и его гибкости по мере продвижения нашей работы, однако я предоставляю слово уважаемому представителю СССР. Я хотел бы обратиться к нему с просьбой о том, чтобы в случае, если его выступление будет связано с только что обсуждавшимся вопросом, он попытался придерживаться того же принципа, которому следовали другие делегации, и был предельно краток.

Г-н КАШИРИН (Союз Советских Социалистических Республик): Мы были вынуждены просить слова, поскольку на заседании, состоявшемся сегодня в первой половине дня, представитель Австралии начал дискуссию и, к сожалению, довольно грубо выступил с оскорбительными, на наш взгляд, нападка на делегацию Германской Демократической Республики. При этом представитель Австралии прибегнул к неуместным, как мы считаем, приемам использования заявлений, в частности, советской делегации о том, что Советский Союз рассматривает мораторий не как самоцель или замену всеобъемлющего договора о запрещении испытаний, а как важный первый шаг к такому договору. Уважаемый представитель Австралии выступил с обвинениями в адрес Германской Демократической Республики, утверждая, что делегация этой страны искажает позицию Австралии. Я считаю, что такая характеристика полностью применима к тем методам, которые использовал сегодня представитель Австралии. Да, Советский Союз рассматривает мораторий как нечто иное, чем самоцель; это совершенно очевидно, и сама логика человеческой мысли подсказывает нам, что мораторий действительно является временной мерой.

(Г-н Каширин, СССР)

Когда на заседании во вторник представитель Германской Демократической Республики выступил с поправкой к предложению Австралии с тем, чтобы это предложение было действительно применимо к мораторию со стороны СССР и Соединенных Штатов, этот призыв к другой ядерной державе, по-видимому, вызвал гнев и у делегации Австралии. Но если делегация Австралии так заинтересована в скорейшем достижении соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия, то почему она, в отличие от "делийской шестерки" и многих других представленных здесь делегаций и неприсоединившихся государств, не призывает другие ядерные державы последовать примеру Советского Союза? Это действительно открыло бы путь к достижению подлинного и поддающегося проверке соглашения. Советский Союз неоднократно указывал, что он не пойдет на проверку проведения испытаний, но готов договариваться о самых решительных и эффективных мерах проверки непроведения таких испытаний. Именно в этом и заключается суть предложения Германской Демократической Республики.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю представителя Советского Союза. Сейчас я перейду к упомянутому мной расписанию, а затем я предлагаю закрыть сегодняшнее заседание. Делегаты, конечно, могут вернуться к обсуждению вопроса существа на следующем пленарном заседании, если они того пожелают.

Секретариат распространил сегодня по моей просьбе расписание заседаний на следующую неделю. В отличие от предыдущих расписаний в период этой сессии, я должен сообщить вам, что на этот раз расписание не подлежит изменению. Мы должны придерживаться его, если это вообще возможно. Поскольку мы приближаемся к последней неделе нашей ежегодной сессии, мы должны завершить наше второе чтение проекта ежегодного доклада Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций самое позднее в среду 27 августа, в начале второй половины дня. Любая задержка будет означать перенос сроков закрытия Конференции, что приведет к дополнительным финансовым расходам, которых, я уверен, мы все стремимся избежать. Если не будет возражений, то я буду считать, что Конференция утверждает это расписание.

Решение принимается.

Я хочу напомнить выраженное ранее, этим утром, намерение, согласно которому Конференция немного погодя проведет неофициальное заседание, с тем чтобы продолжить первое чтение пунктов существа проекта ежегодного доклада по пунктам 3 и 6 повестки дня, а также по пункту 2, если на это у нас останется время.

Перед тем как закрыть заседание, предоставляю слово делегации Австралии.

Г-н БАТЛЕР (Австралия) (перевод с английского): Я приветствую тот факт, что первую половину дня мы провели активно. Еще в самом начале первой половины дня я просил занести меня в списки ораторов для того, чтобы выступить после принятия доклада Группы научных экспертов, и именно по этой теме я хотел бы сейчас выступить с весьма кратким заявлением.

Австралия поддерживает и одобряет принятие Конференцией двадцать второго доклада Группы научных экспертов. Мы поддерживаем содержащуюся в нем программу работы и будем всемерно содействовать ее выполнению. Как хорошо известно

(Г-н Батлер, Австралия)

участникам Конференции, Австралия представила документ CD/717 с предложением о создании глобальной сейсмической сети. Создание такой сети соответствовало бы как мандату Группы научных экспертов и достигнутым ранее результатам, так и программе ее работы на будущее. Мы надеялись, что после принятия двадцать второго доклада Группы научных экспертов Конференция сможет также принять решение с учетом положений документа CD/717. Как я понимаю, это невозможно сделать сегодня, но Австралия надеется, что Конференция и Группа научных экспертов будут в полной мере принимать в расчет предложение Австралии в своей будущей работе. Мы будем также стремиться к тому, чтобы наше предложение было должным образом отражено в докладе Конференции по разоружению за 1986 год.

ПРЕЗИДЕНТ (перевод с английского): Благодарю делегата Австралии и приношу ему извинения за оплошность со стороны Президента, не предоставившего ему возможность выступить; я не понял своевременно, что он хотел бы выступить.

Если желающих выступить больше нет, то я закрываю пленарное заседание, но хотел бы напомнить, что практически сразу же мы проведем неофициальное заседание.

Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению состоится во вторник 26 августа, в 10 час. 00 мин.

Пленарное заседание закрывается.

Заседание закрывается в 15 час. 50 мин.